DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-7-48 **М. К. Амелина**

От многоязычия к «большому переходу» на тундровый ненецкий язык: лингвистические идеологии и динамика языкового сдвига в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея (XX — нач. XXI в.)

Амелина Мария Константиновна, Институт языкознания РАН (Москва), Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); neamelina@gmail.com

В данной статье к рассмотрению привлекается материал, собранный автором в ходе экспедиции (в ноябре-декабре 2017 г.) в п. Тухард (сельского поселения Караул) Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края и на стойбищах оленеводов в Тухардской тундре (низовья Енисея). В первом разделе статьи очерчены границы Тухардской тундры, кратко обозначены основные вехи в истории п. Тухард, приведены данные по численности населения данного региона. Во втором разделе автор описывает, что представляет собой материал исследования: это подробные социолингвистические интервью с разбором родословных и языковых биографий носителей тухардского говора таймырского (енисейского) диалекта тундрового ненецкого языка. В третьем разделе статьи рассматриваются основные трудности и проблемы метода социолингвистической реконструкции по данным языковых биографий. В четвертом разделе приводятся фамилии представителей разных локальных этнических групп Тухардской тундры (тундровые ненцы, тундровые энцы, лесные энцы, долгане и т. д.). Пятый раздел статьи иллюстрирует возможности метода социолингвистической реконструкции по данным языковых биографий: в нем последовательно рассмотрены особенности функционирования многоязычия в условиях смешанных браков и ведения хозяйственной деятельности представителями разных локальных этнических групп Тухардской тундры; также в пятом разделе показано, как происходит утрата этого многоязычия («большой переход на ненецкий»). В шестом разделе рассмотрены основные лингвистические (языковые) идеологии, функционировавшие в XX в. (а также в нач. XXI в.) в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея. В статье также уделено внимание уникальности локальной группы тухардских ненцев, в которой «растворено» множество иноэтничных компонентов.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, тундровый энецкий идиом, лесной энецкий идиом, долганский язык, языковая биография, социолингвистика, лингвистические идеологии, языковые идеологии, многоязычие, локальная этническая группа

FROM SMALL-SCALE MULTILINGUALISM TO "THE BIG SHIFT" TO TUNDRA NENETS: LINGUISTIC IDEOLOGIES AND LANGUAGE SHIFT DYNAMICS IN TUKHARD TUNDRA AND THE LOWER YENISEI AREA (20TH — THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)

Maria K. Amelina, Institute of Linguistics, RAS (Moscow), Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); neamelina@gmail.com

In the article the data collected by the author during the expedition (November and December 2017) to Tukhard (Karaul rural settlement, Taimyrsky Dolgano-Nenetsky District) and the nomadic settlements of reindeer herders in Tukhard tundra (the Lower Yenisei area) are considered. In the first section of the article the question about the boundaries of Tukhard tundra, the key "milestones" of Tukhard history and the data on the population of the region are considered. In the second section the author describes the material of the research: the detailed sociolinguistic interviews with the analysis of genealogical lines, "family trees" and language biographies of the native speakers of the Tukhard idiom of the Taimyr (Yenisei) dialect of Tundra Nenets. In the third section the author deals with the main difficulties and problems of the method of sociolinguistic reconstruction according to the data of language biographies. In the fourth section there are the lists of surnames of different local ethnic groups, living in Tukhard tundra (Tundra Nenets, Tundra Enets, Forest Enets, Dolgans, etc.). In the fifth section of the article the author illustrates the possibilities of the method of sociolinguistic reconstruction according to the data of language biographies: the peculiarities of small-scale multilingualism functioning in the conditions of mixed marriages and economic activities of representatives of different local ethnic groups; also the author shows how the loss of multilingualism ("the big shift to Tundra Nenets") occured. In the sixth section of the article the author describes the linguistic ideologies (language ideologies) in Tukhard tundra and the Lower Yenisei area in the 20th century (and at the beginning of the 21st century). The author also highlightes the uniqueness of the local group of Tukhard Nenets, in which a lot of different ethnic components are "dissolved".

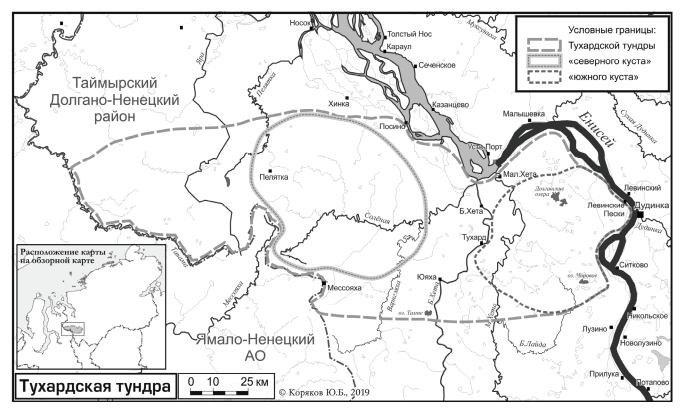
Keywords: Tundra Nenets, Tundra Enets, Forest Enets, Dolgan, language biography, sociolinguistics, linguistic ideologies, language ideologies, small-scale multilingualism, local ethnic group

Сбор материала и работа над статьей осуществлялись в рамках проекта РНФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе» (руководитель проекта — О. В. Ханина).

8

1. Локальная география: Тухардская тундра и поселок Тухард¹

В настоящее время Тухардской тундрой (по названию поселка Тухард) в обиходе называется территория на орографически левом берегу Енисея в его нижнем течении, административно входящая в состав Караульского сельского поселения (бывшего Усть-Енисейского района) ^{2} Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края. Тухардская тундра представляет собой самую юго-западную часть этого района (рис. 1) ^{3} .

Рис. 1. Условные границы Тухардской тундры и ее частей. Автор карты — Ю. Б. Коряков.

Условная граница Тухардской тундры на западе совпадает с административной границей между Ямало-Ненецким автономным округом и Таймырским Долгано-Ненецким районом, на востоке же данная территория простирается до Енисея. Что касается северной и южной границ Тухардской тундры, то они более размыты и субъективны и не имеют таких жестких административных или природногеографических привязок, как западная и восточная. Так, на севере условной границей Тухардской тундры и более северной, Носковской (по названию поселка Носок), можно считать широту фактории Посино, расположенной на протоке Малый Енисей (чуть южнее поселка Казанцево, только на левом берегу Енисея)⁴.

¹ Автор выражает огромную благодарность А. Б. Шлуинскому, Д. В. Арзютову, О. В. Ханиной, Ю. Б. Корякову, В. Ю. Гусеву и В. В. Пелиху за высказанные ими ценные рекомендации и замечания по содержанию данной статьи.

² С 1930 по 2006 г. — Усть-Енисейский район.

 $^{^3}$ Автор выражает сердечную благодарность Юрию Борисовичу Корякову за создание всех карт, представленных в настоящей статье. Карты были выполнены Ю. Б. Коряковым в рамках проекта РНФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе» (руководитель проекта — О. В. Ханина).

⁴ Приведем здесь высказывание одной нашей информантки, в настоящее время постоянно проживающей в поселке Тухард, а в детстве выросшей недалеко от фактории Посино, — Алько́вой (в девичестве Лампа́й) Зои Владимировны (1971 г. р.): «Отделение как бы — там носковское, мы тухардские как бы. ⟨...⟩ Мы как раз на границе между Носком и... Вот получается, вот Посино, да, вот где мы были, это как раз граница между Тухардской тундрой... Вот как эта граница получалась: дальше туда Носковская тундра начиналась, а в эту сторону — Тухардская. И у меня больше, как бы, на эту же ⟨Тухардскую⟩ сторону, мне, как бы, носковские нешибко, как бы, к ним душа лежала» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 9]. Здесь и далее в квадратных скобках при цитировании информантов указываются инициалы информанта, номер аудиозаписи (из экспедиционных материалов автора) и номер страницы в расшифровке данной записи в форматах .doc, .docx.

На юг же Тухардская тундра простирается по левому берегу Енисея примерно до широты озера Тампé, находящегося практически посередине между Дудинкой и поселком Потапово ^{5} . Здесь следует также отметить, что жители Тухардской тундры называют территории, расположенные на правом берегу Енисея ниже по его течению, «низовьем» или TH^6 *уылняны* (чаще всего под этим термином подразумеваются правобережные населенные пункты Мунгуй, Байкаловск, Воронцово и близлежащая к ним тундра).

Помимо Енисея и его проток, важными водными артериями Тухардской тундры являются реки Большая Хета и Малая Хета. До образования населенного пункта Тухард территория современной Тухардской тундры, которая сейчас мыслится как прилежащая к поселку, определялась в первую очередь бассейнами Большой и Малой Хеты: так, коренные жители Тухардской тундры называют себя не только «тухардскими» и «факельскими» (от второго названия Тухарда — Факел), но и «нахетскими» — по названию рек.

На правом берегу Малой Хеты в нескольких километрах от ее устья во второй половине XX в. располагался поселок Малая Хета, в настоящее время уже нежилой. А до начала разработок месторождений газа в Тухардской тундре в конце 1960-х гг. на берегу р. Большая Хета существовала «промысловая точка» Пальчиных — рыбацкое поселение Кислый Мыс, на тундровом ненецком языке — ТН $T\bar{u}\delta e\bar{u}$ $C\bar{a}$ ля $(T\bar{i}b^i ej^{\circ 7} Səlia)^8$. Так, одна из наших информанток, Пальчина Наталья Афанасьевна (1956 г. р.), рассказывала о поселении Кислый Мыс как о родовом месте рыболовного промысла своего отца, Пальчина Афанасьевича (1900/1905 г. р.), где прошло ее детство и отрочество.

После открытия Мессояхинского месторождения в 1968 г. на месте поселения Кислый Мыс (в 76 км к западу от Дудинки) как отправная точка в постройке газопровода «Мессояха — Дудинка — Норильск» был официально образован поселок Тухард (на старых картах обозначался также как «Тухарт»), ТН Ty харад = Tu- ^{2} χ arad ^{0} ('огонь-GEN.SG' + 'поселок / населенный пункт / село; дом' = букв. 'огня поселок'), название которого можно перевести с тундрового ненецкого языка как «место, где добывают огонь», т. е. газ (второе название Тухарда — Факел). По словам Н. А. Пальчиной, в мае 1968 г. на месте промысловой точки ее отца появились три первые палатки, в которых располагались рабочие; воздушным путем с помощью вертолетов и затем чуть позже, с открытием навигации, водным путем по Большой Хете начали завозить строительные материалы, и в июле этого же года ее отец со всей семьей был вынужден переселиться подальше от бывшего Кислого Мыса ^{9} .

В настоящий момент Тухард представляет собой населенный пункт, состоящий из двух частей, находящихся на некотором расстоянии друг от друга:

1) «нижнего поселка» (ближе к Большой Хете), где в основном проживает пришлое («вахтовое») население, находятся общежития газовиков, приезжающих работать на газопровод и месторождения вахтовым методом, а также различные учреждения основного «градообразующего» предприятия «НорильскГазПром», столовая для «вахтовиков», магазин, администрация поселка Тухард (ТАО), почтовое отделение, библиотека, больница, диспетчерская аэропорта, вертолетная площадка;

⁵ О «размытости» границы между Тухардской и Потаповской тундрами см. также высказывание З. В. Алько́вой (в девичестве Лампа́й, 1971 г. р.): «Ну вот же мой дед где-то ж, я же говорю, в районе Тампеи ⟨оз. Тампе⟩, Потапово ходили. Это ихняя ⟨их⟩ тундра. Если он сам из предков откуда-то, я говорю, с Тюмени ⟨из тундры Ямало-Ненецкого автономного округа, формально относящейся к Тюменской области⟩ были их предки, значит, были же здесь, по таёжному... тундре ходили. Таёжники были. ⟨...⟩ Не так уж далеко. Потапово где у нас тут? Енисей-то... ⟨...⟩ Тундра-то ихняя (их, Потаповская тундра) приходит сюда, ближе. ⟨...⟩ Они были таёжные оленеводы, ⟨...⟩ в таёжной тундре» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 14].

⁶ Здесь и далее ТН — тундровый ненецкий, тундровый ненец.

 $^{^7}$ Перечислим здесь основные принципы записи слов тундрового ненецкого языка, принятые в данной статье. 1) Символом $^\circ$ здесь и далее обозначается «глубинная» гласная редуцированная фонема, значимая для морфонологии тундрового ненецкого языка. 2) Символом $^?$ здесь и далее обозначен «звонкий» гортанный смычный согласный = $^\circ$ в записи Н. М. Терещенко [Терещенко 1965], h — в обозначении Т. Салминена [Salminen 1998]. 3) Символом ^{2} здесь и далее обозначен «глухой» гортанный смычный согласный = $^\circ$ в записи Н. М. Терещенко [Терещенко 1965], q — в обозначении Т. Салминена [Salminen 1998].

⁸ Ср.: *тибей* 'гнилой; кислый, испорченный; тухлый' [Терещенко 1965: 655]; *саля* 'мыс, полуостров; возвышенность около водоема' [Терещенко 1965: 526].

⁹ См. об этом подробнее в расшифровке беседы с Натальей Афанасьевной Пальчиной (1956 г. р.): «Ну, мне было двенадцать лет тогда, это был май месяц. Эти первые палатки. Сначала три палатки было, потом, когда лёд... вертолёты прилетали, чего-то привозили... что-то, потом, когда уже навигация открылась. ⟨...⟩ Да, в июне месяце, вот, когда лёд прошел, стали завозить вот всё остальное. И вагоны первые вот эти вот, на моих глазах. Всё это было. Потом уже, в июле месяце мы отсюда уехали, там подальше, от этого места. Переехали. Это всё на моих глазах было» [Инф. ПНА: аудио № 1, с. 2].

2) «верхнего поселка» (дальше от Большой Хеты), где проживает бо́льшая часть осевшего автохтонного населения, располагаются дома коренных жителей, Дом культуры (клуб), начальная школа для поселковых детей ^{10} , несколько магазинов, а также несколько общежитий и учреждений «Норильск Газ-Прома» (см. рис. 2).

Puc. 2. Вид на вертолетную площадку и «верхний поселок» со стороны «нижнего поселка» (пос. Тухард Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края, ноябрь 2017 г.) Фото автора.

Также, по данным средств массовой информации [ЗП, № 124], в настоящее время ведется строительство «Нового Тухарда», которое началось летом 2018 г. Согласно современному законодательству, жилая зона не должна вплотную примыкать к промышленной, поэтому поселок планируют перенести в более отдаленное от объектов «НорильскГазПрома» место — к северу от нынешнего его расположения (на левом берегу Большой Хеты). Согласно проекту планировки и межевания территории, в «Новом Тухарде» предусмотрено размещение 72 жилых двухквартирных домов, а также школы с детским садом, Дома культуры, здания администрации и полиции, магазина, аптечного пункта и церкви. Также предусмотрено возведение котельной, дизельной электростанции, очистных сооружений, электрических сетей, сетей тепловодоснабжения и водоотведения (см. подробнее [ЗП, № 124]).

Коренное население Тухардской тундры, оленеводы и рыбаки, условно делят данную тундровую территорию на две части: «северный куст» («северная сторона») и «южный куст» («южная сторона»). «Северным кустом» принято называть безлесную часть Тухардской тундры к северо-западу от Тухарда — в сторону Пелятки (Пеляткинского месторождения) и поселка Мессояха. «Южным кустом» называется более лесистая часть Тухардской тундры — к востоку от Тухарда, между Тухардом и Дудинкой, т. е. территория между Енисеем и его левым притоком — Большой Хетой (рис. 1).

По данным на 2017 г., общая численность жителей п. Тухард и Тухардской тундры составляет 992 чел., 927 (т. е. 93,4%) из которых являются представителями коренных малочисленных народов Севера (см. таблицу 1). Здесь следует отдельно отметить, что, так как «газовики» работают там вахтовым методом, данные о них не включены в эти числовые показатели, однако в действительности в Тухарде постоянно находится намного больше «некоренных», чем 65 человек.

¹⁰ Поселковые дети обучаются в школе-интернате в г. Дудинке с пятого класса, а дети оленеводов, постоянно проживающих в Тухардской тундре, — с нулевого или первого класса.

¹¹ Автор благодарит Андрея Болеславовича Шлуинского за указание на данный факт и конкретный источник информации.

Население поселка Тухард и Тухардской тундры	2010 г. ¹²	2014 г. ¹³	2017 г. ¹⁴
Общая численность населения	814	940	992
Коренные малочисленные народы (преимущественно тундровые ненцы)	(нет данных)	876	927
Другие	(нет данных)	64	65

Таблица 1. Динамика численности населения п. Тухард и приписанной к нему Тухардской тундры

Тухардские пастбища отличаются высокой «оленеемкостью» — на них произрастает достаточное количество ягеля, которое позволяет оленеводам не совершать длительные сезонные миграции, ограничивая маршруты кочевий в пределах территорий площадью примерно 40 км², поэтому в настоящее время места летних и зимних стойбищ находятся довольно близко друг к другу: «частники вот тухардской тундре также существует практика, когда в летний период одна часть родственников кочует с оленями, а другая — оставляет им своих личных оленей и остается оседло заниматься рыболовством на «рыботочке» («рыбточке», «рыбацкой точке»). В прежние (досоветские и советские) времена сезонные маршруты кочевок были намного более протяженными: от окрестностей п. Воронцово (летний период) до окрестностей п. Потапово (зимний период), с северо-востока (правого берега Енисея) на юго-запад (левый берег Енисея) и т. д.:

[Инф. АЗВ (о своей бабушке по материнской линии 1922 г. р.):] ¹⁶ «А вот постарше, бабушки там, вот те рассказывали, как они аргиши ⟨караваны из одной ездовой и нескольких грузовых нарт с запряженными в них оленями⟩, как они переходили, как с дикими ⟨со стадами диких северных оленей⟩ ходили, отсюда с дикими уходили, оттуда ⟨со стороны Воронцовской тундры⟩ осенью вместе с дикими сюда ⟨в Тухардскую тундру⟩ приходили... оленеводы... так и ходили. Это я знаю. ⟨...⟩ Моя бабушка с Воронцова была, из того района. И они сюда приходили, отсюда уходили» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 5];

[Инф. ВПА (о своем дедушке по отцовской линии примерно 1905 г. р.):] «Я помню, они резали ⟨пересекали с одного берега на другой⟩ это... большую реку. Тогда я маленькая была. Возле Факела оказались тут. Тогда, наверно, резали. Мне было восемь лет. ⟨...⟩ Енисей резали ⟨пересекали с одного берега на другой⟩, да» [Инф. ВПА: аудио № 1, с. 9] (о том, как в 1975 г. перешли со стороны Байкаловска в Тухардскую тундру, оставшись затем кочевать в Тухардской тундре).

В настоящее время Тухардская тундра является своего рода «центром притяжения» для оленеводов других близлежащих, соседних территорий. Богатые ягелем пастбища Тухардской тундры притягивают к себе оленеводов как с севера — из Носковской тундры ^{17} (TH *Hocky' mep"* [nósko² tier?] / [nòskondiér?] ^{18} / [nósko² tier?] ^{19}), так и с запада — с территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), в первую очередь из Тазовской тундры (ТН *Tacy' mep"* [táso² tier?] / [tásondiér?] / [táso² tier?]) и

¹² По данным «Всероссийской переписи населения 2010 года»: «Итоги по Красноярскому краю. 1.10. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений и населенных пунктов».

¹³ По данным интернет-ресурса «Культурное наследие села»: «Россия / Красноярский край / Таймырский район / Тухард» (http://nasledie-sela.ru/places/KYA/1029/11301/).

 $^{^{14}}$ По данным, представленным на «Официальном сайте сельского поселения Караул»: http://taimur-karaul.ru/tuhard/.

¹⁵ Здесь и далее в квадратных скобках при цитировании информантов указываются инициалы информанта, номер аудиозаписи (из экспедиционных материалов автора) и номер страницы в расшифровке данной записи в форматах .doc, .docx.

¹⁶ Здесь и далее таким образом в квадратных скобках указывается говорящий: Инт. — интервьюер (автор данной статьи), Инф. ХХХ — информант (инициалы).

¹⁷ Например, семья Вэнго, переселившаяся в 2006 г. в Тухардскую тундру из окрестностей р. Яра-Танама в Носковской тундре.

 $^{^{18}}$ В данном произносительном варианте отмечено чередование $^{2}/n$ с озвончением последующего согласного на стыке слов.

¹⁹ Об аффрикатизации смычного — переходе переднеязычного смычного взрывного глухого палатализованного согласного [ti] в аффрикату [te] — в тухардском говоре таймырского (енисейского) диалекта ТН (а также менее последовательно в гыданском диалекте) см. подробнее ниже, в п. 4.1.

Гыданской тундры (ТН $\mathcal{H}$ эдя(н)' mep" [ŋèdʲandʲér?] / [ŋédʲanʔ ter?]). Отметим, что тухардские оленеводы часто говорят о том, что выходцы из тундр ЯНАО, которых они называют «тюменцами», «тюменскими» или даже «Тюменью» (т. к. ЯНАО формально относится к Тюменской области), «наступают» и теснят их. См., например, диалог об этом:

[Инф. ВИА:] «Туда тюменская земля была раньше, ну так, по карте. Щас-то (сейчас-то), видишь, наоборот, щас (сейчас) эти, они здесь, тюменские. (...) Ага, там же видела, где собрание было? И губернатору (тухардские оленеводы) говорят: "Вот, они переходят на нашу землю". Там, говорят... Ну и закон вроде позволяет что ли здесь. Они здесь где-то тоже. Здесь летом, когда мы кочевали, там-то вместе были здесь. Тюменские здесь бывают. (...) Вот видишь, они щас (сейчас) тюменские уже туда давятся, возле Пелятки».

[Инф. BBB:] «И ядо" уули" уарка (ТН ja-do? 'земля'-NOM.SG.POSS3PL $\eta ul^i l^2$ 'очень' $\eta arka$ 'большой', букв. 'земля-их очень большая'), ∂a ?»

[Инф. ВИА:] «Ядо" (ТН ja-do? 'земля'-NOM.SG.POSS3PL), видишь? Сколько у них земли?!»

[Инф. ВВВ:] «Их очень много».

[Инф. ВИА:] «А у нас? Туда вон давим, на Енисей. А мы, видишь, всё — круг маленький. $\langle ... \rangle$ У нас же Енисей давит нас. $\langle ... \rangle$ Они нас вообще <u>давят!</u> У них оленей много вон, очень много у них. $\langle ... \rangle$ Ну, видишь, там тюменские туда давят, вообще пастбищ мало» [Инф. ВИА, ВВВ: аудио № 1, с. 15—16].

При этом следует подчеркнуть тот факт, что самим тухардским оленеводам «смещаться» от этого западного и северного «наступления» некуда по двум причинам. Первой причиной является трудность осуществления оленеводческой деятельности на орографически правом берегу Енисея (восточнее Тухардской тундры): там обитают большие стада диких северных оленей («дикарей»), к которым легко могут прибиться домашние олени. В настоящее время оленеводство на правом берегу Енисея не осуществляется из-за высокого риска потерять стадо (домашние олени могут уйти вслед за дикими) и ограниченного количества ягеля, потребляемого и вытаптываемого большими стадами «дикаря», а также значительного количества волков и охотников. Ср. об этом высказывания наших информантов-жителей Тухардской тундры:

[Инф. ВПА:] «А там ⟨на правом берегу Енисея⟩ это — олени не выдерживают». [Инф. ВИА:] «Не выдерживают. Там дикари же». [Инф. ВПА:] «Дикари». [Инф. ВИА:] «Дикие олени. Тяжело». [Инф. ВПА:] «Потом это... ягель нету ⟨нет⟩». [Инф. ВИА:] «Ягель вообще мало там. Ну, как порошок. Поэтому на этой стороне и живём. Там никто щас ⟨сейчас⟩ не живёт — там дикие. Все олени, олени уходят с ними» [Инф. ВИА: аудио № 1, с. 15];

[Инф. ТОЯ:] «Там $\langle$ на правом берегу Енисея $\rangle$ оленей нет никого. $\langle ... \rangle$ Кто будет там кочевать-то?! $\langle ... \rangle$ На лето-то пастбища там хорошие, но только дикий мешал раньше. А щас-то $\langle$ сейчас-то $\rangle$ чего? И дикого-то, наверное, мало осталось. Говорили, охотник их бьёт» [Инф. ТОЯ: аудио № 1, с. 4];

[Инф. АЗВ:] «Они пробовали на тот ⟨правый⟩ берег Енисея переходить один год, так олене́й чуть не поубивали. ⟨...⟩ Они весной перешли вот здесь вот на ту сторону. ⟨...⟩ Во-первых, олени разбрелись в разные стороны. Потом пришли волки — их чуть не погрызли. А! Сперва не волки, двуногие волки ⟨охотники⟩ оленей постреляли. Около шестидесяти голов» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 25].

Вторым фактором, ограничивающим оленеводческую деятельность (но уже не с востока, а с юга), является древесная растительность, распространенная к югу от Тухардской тундры. Таким образом, оленеводы Тухардской тундры, теснимые с севера и запада, сами не могут сместиться ни на восток (на противоположный — правый — берег Енисея), ни на юг — в «таежную тундру».

Помимо постоянного притока оленеводческого населения с соседних территорий в «богатую ягелем» Тухардскую тундру, отметим также нагрузку, вызванную продолжающимся промышленным освоением этих мест, газодобычей и геологической разведкой ^{20} .

²⁰ См. фрагмент разговора с информанткой З. В. Альковой (урожд. Лампай) о богатстве недр Тухардской тундры: «Вот они ⟨геологи⟩ и отмечали на карте, где там, там — чего у них там. Где песок, где каменное там это, как он говорит: "Как вы, люди, бедно живёте здесь, когда вы живёте на таком богатстве?!". Ну, этот мужик говорит: "У вас и золото тут, у вас и камни дорогущие тут — чего только у вас тут нету ⟨нет⟩. Даже у вас здесь, — говорит, — находятся метеоритные камни"» [Инф. АЗВ: аудио № 5, с. 10].

2. Цели, материал и методы исследования: социолингвистическая реконструкция по данным языковых биографий

Материал, который привлекается к рассмотрению в данной статье, был собран автором в ходе экспедиции, которая проходила в ноябре-декабре 2017 г. в рамках проекта РНФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе». Сбор материала осуществлялся как в п. Тухард (сельского поселения Караул) Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края, так и на стойбищах оленеводов в Тухардской тундре:

- 1) на стойбище Яптунэ́ Юрия (Тыя́лика) Алексеевича, Яптунэ́ Сергея (Вада́лика) Алексеевича, Вэ́нго Андрея Няровича и его сына Вэ́нго Игоря (Ля́мби) Андреевича;
- 2) на стойбище Яптунэ Вадима (Наная) Николаевича, Ямкина Николая Кусевича и Тоги Юрия Анатольевича.

Основной целью данного экспедиционного исследования является реконструкция социолингвистической ситуации многоязычия и динамики процесса его утраты («большого перехода на ненецкий»), а также лингвистических (языковых) идеологий в низовьях Енисея на протяжении XX в.

В ходе экспедиции было проведено и записано на цифровые аудионосители 28 подробных социолингвистических интервью с разбором родословных и языковых биографий носителей енисейского (таймырского) диалекта тундрового ненецкого языка. Благодаря этим социолингвистическим интервью была получена информация более чем о 170 предках опрашиваемых информантов²¹.

Обязательными вопросами для интервью, целью которых являлось не только получение данных о современной социолингвистической ситуации в интересующем нас регионе, но и реконструкция социолингвистической ситуации в прошлом, были следующие — см. таблицу 2 (хотя, конечно, беседа с информантами не ограничивалась только ими); подробнее о методологии интервьюирования в рамках данного проекта см. [Ханина 2019: 12, 14]. Ответы на эти вопросы вносились для каждого человека, о котором респондент мог рассказать: о себе, о своих родителях, о своих сиблингах, о бабушках и дедушках, о сиблингах родителей и сиблингах бабушек и дедушек, о супруге, о родителях и родственниках супруга(и) и т. д.

Таблица 2. Информация, собираемая в ходе интервью с целью выяснения ретроспективной социолингвистической ситуации в низовьях Енисея

- I.1. **Имя** на родном языке; фамилия, имя, отчество.
- І.2. Год рождения [и год смерти умершего человека, о котором рассказывает респондент].
- I.3. **Этническое (само)сознание**: кем (относящимся к какой локальной этнической группе) и почему X сам считает (считал) себя, кем его считают (считали) окружающие, почему это возможно.
- II.1. **Краткая биография 1:** дошкольное детство. Особое внимание при этом уделяется социальным связям (social networks): с кем жил, с кем дружил и т. д. Также обязательно отдельно рассматривается история передвижений (migrational history): подробно, с детализацией на топографических картах, выясняется, где именно находились все упоминаемые в ходе интервью места и географические объекты.
- II.2. **Краткая биография 2: школа**. Особое внимание при этом уделяется социальным связям: с кем жил, с кем дружил и т. д. Также обязательно отдельно рассматриваются вопросы migrational history (см. аналогично в п. II.1).
- II.3. **Краткая биография 3: после школы до брака** / **до рождения детей**. Особое внимание при этом уделяется социальным связям: с кем жил, с кем дружил, с кем работал, с кем и как общался и т. д. Также обязательно отдельно рассматриваются вопросы migrational history (см. аналогично в п. II.1).
- II.4. **Краткая биография 4:** в браке / после рождения детей. Особое внимание при этом уделяется социальным связям: с кем жил, с кем дружил, с кем работал, с кем и как общался и т. д. Также обязательно отдельно рассматриваются вопросы migrational history (см. аналогично в п. II.1).
- II.5. **Краткая биография 5: со взрослыми детьми** / **внуками**. Особое внимание при этом уделяется социальным связям: с кем жил, с кем дружил, с кем работал, с кем и как общался и т. д. Также обязательно отдельно рассматриваются вопросы migrational history (см. аналогично в п. II.1).

²¹ Так, в ходе экспедиции нашими респондентами стали (для замужних женщин в круглых скобах указывается девичья фамилия): С. Н. Яптунэ, З. В. Алькова (Лампай), Н. С. Ямкина (Яптунэ), В. Н. Яптунэ (Вэнго), Ф. И. Антошкина (Тоги), Е. И. Тишина (Тоги), Е. А. Кузнецова (Яроцкая), Р. А. Яптунэ (Яроцкая), И. Ю. Яптунэ (Лырмина), О. А. Тэседо, И. А. Вэнго, В. В. Вэнго (Тоги), В. В. Яр, П. А. Вэнго (Яптунэ), А. Н. Вэнго, Ю. А. Яптунэ, Р. М. Яптунэ (Ямкина), И. П. Яптунэ (Бояршина), Н. А. Яптунэ (Яр), Р. В. Каярина, Н. А. Пальчина, Г. Х. Силкина (Яптунэ), В. Н. Яптунэ, К. Н. Яроцкая (Яптунэ), М. С. Ямкина, А. И. Пальчина (Ямкина), М. Д. Береговая (Силкина), И. Л. Яптуне и др. Автор выражает своим информантам самую искреннюю благодарность и глубочайшую признательность.

- III.1. **Языки**, которыми владеет (владел) респондент или тот человек, о котором он рассказывает: качественная оценка владения каждым из языков, умение писать/читать, отношение к каждому языку (на каком языке любит/-л говорить, какой язык, с его точки зрения, «красивее» и т. д.), «лингвистические идеологии» (language ideologies, linguistic ideologies), связанные с каждым из языков.
- III.2. **История и контекст усвоения языков**: почему X знает язык A; почему не знает язык B; как выучил язык, от кого и при каких обстоятельствах его усвоил; с кем на каком языке говорил и говорит; с кем на каком языке нельзя (было) говорить.
- III.3. Знание фольклора на каждом из языков.
- III.4. Язык и школа. Где находилась школа, в которой учился респондент (или человек, о котором он рассказывает)? Была ли она школой-интернатом или нет? В каком году респондент пошел учиться в школу? На каких языках говорил до школы, а какие языки усвоил в школе? Откуда родом были другие школьники, на каких языках они говорили? Как относились к родным языкам учащихся педагоги и другие учащиеся в школе?
- III.5. К каким локальным этническим группам относили себя люди там, где жил респондент? На каких языках и в каких ситуациях они говорили? Данные вопросы рассматриваются для всех социальных уровней, в рамках которых осуществлялось языковое общение: поселок, рыбацкая точка, стойбище, семья.
- III.6.а. Какое к каждой локальной этнической группе / языку было **отношение респондента** в каждом месте? Что он считал нормальным: общение с кем на каком языке, браки / дружба с представителями каких локальных этнических групп?
- III.6.б. Какое к каждой локальной этнической группе / языку было **отношение окружающих** в каждом месте? Что считалось нормальным: общение с кем на каком языке, браки / дружба с представителями каких локальных этнических групп?
- III.7.а. Приезжали ли к родителям респондента гости в его детстве? К каким локальным этническим группам они принадлежали? На каких языках, с кем и в каких ситуациях они говорили?
- III.7.б. К кому в гости ездили родители респондента в его детстве, брали ли его / ее с собой? К каким локальным этническим группам принадлежали люди, к которым они ездили в гости? На каких языках, с кем и в каких ситуациях они говорили?

3. Основные трудности и проблемы метода социолингвистической реконструкции по данным языковых биографий

Среди основных трудностей и проблем метода социолингвистической реконструкции по данным такого рода интервью, с которыми мы столкнулись в ходе работы, можно перечислить следующие.

3.1. Проблема точной датировки

Очевидно, что информант, рассказывающий о событиях в жизни своих предков, далеко не всегда может с точностью сказать, в каком именно году произошло то или иное событие. Как правило, «вехами» датировки становятся важные события в жизни респондента, его семьи и предков (рождение детей, братьев и сестер, начало учебы самого информанта в школе, смерть кого-то из родственников, падеж оленей, необычные климатические явления и т. д.): например, смена мест выпаса оленьего стада и переход на новые маршруты кочевок могут датироваться как произошедшие в год, когда родился X, умер Y, было очень жаркое лето и т. д. (обратная датировка при этом оказывается также возможной).

Приведем здесь несколько примеров такого рода датировок из интервью с нашими респондентами:

[Инт.:] *«Вы его не застали вообще, Силкина Бакула?»* [Инф. СГХ:] *«Не, не! Откуда?!»* [Инт.:] *«Он раньше умер?»* [Инф. СГХ:] *«Раньше. Тогда, наверное, меня духа не было!»* ⟨'я еще не родилась'⟩ [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 7];

[Инф. СГХ:] «Когда я вышла за этого, за Opy ⟨замуж⟩, уже их не было ⟨'умерли'⟩» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 7];

[Инф. ТОЯ:] «Когда я учился, тогда этот колхоз уже был» [Инф. ТОЯ: аудио № 1, с. 6].

Также важным для датировки является знание исторической хронологии образования, смены, объединения, разделения, упразднения и т. д. предприятий для коллективного ведения сельского хозяйства (колхозов, совхозов и т. д.) в советские годы: в рассказе о прошлом информанты часто датируют собы-

тия периодами существования конкретных оленеводческих и рыболовецких хозяйств. Так, для низовьев Енисея, и в том числе Тухардской тундры, значимыми вехами можно считать следующие:

- 1) 1930-е гг. образование колхозов «Новая жизнь» (с центром вначале в н. п. Байкаловск, а затем в н. п. Мунгуй) и «Большевик» (с центром на р. Малая Хета);
- 2) 1960-е гг. колхоз «Большевик» вошел в укрупненный колхоз «Заря Таймыра» (распространенный термин для обозначения оленеводов, входящих в колхоз «Заря Таймыра» «зарёвские»);
  - 3) 1969 г. объединение колхозов «Заря Таймыра» и «Новая жизнь» в совхоз «Октябрьский»;
- 4) 1978 г. разделение совхоза «Октябрьский» на отдельные оленеводческие и рыболовецкие хозяйства, образование совхоза «Тухард»;
- 5) по данным на 2017 г., в Тухардской тундре зарегистрировано шесть сельскохозяйственных предприятий («Яра-Танама», «Сузун», «Северный олень», МУП и др.).

Общее знание истории хозяйственных предприятий необходимо не только для датировки событий, но и для общего понимания экстралингвистической ситуации в низовьях Енисея в советские годы; см. об этом фрагмент из интервью с информанткой Яптунэ́ (урожд. Лы́рминой) Ириной Юрьевной (1957 г. р.) о взаимоотношениях детей оленеводов, входящих в разные колхозы, в условиях школы-интерната в населенном пункте Усть-Порт: «Когда было объединение, там детей много же. Вот... незнакомых. Мы для них незнакомы, они для нас. Интернат — в Усть-Порту учились. И вот как-то пацаны маленько друг друга дёргали: "Ах, ты «Большевик»?! Ах, ты «Новая жизнь»?!" ⟨...⟩ Драки начинались там. Вот. А потом, как-то вот смирение началось. Оказывается, тот родственник, тот родственник. ⟨...⟩ Родители начали объяснять: "Вот никогда её не обижай и его не обижай. Поглядывай за ним, чтобы никто его не обидел. Это твой родственник". И вот, так вот, вот, оказывается, все связаны» [Инф. ЯИЮ: аудио № 1, с. 17].

3.2. Проблема точной географической локализации

Часто названия локальных географических объектов (микротопонимы) на топографических картах не совпадают с теми, которые используются жителями этих мест в повседневной устной речи. Выяснение маршрутов кочевок оленеводческих бригад и семей, расположение рыбацких точек и сезонных пастбищ, священных мест (священных сопок, $x ildе{s} ildе{u} ildе{d} ildе{g} ildе{a} ildе{g} ilde{e})$ и др. немыслимо без наличия подробных карт исследуемой местности. Крайне необходимой и информативной при этом оказывается работа с картами, когда респонденты показывают и помогают наносить на них различные географические объекты этнокультурной и социальной значимости.

В ходе экспедиции нами была начата работа по привязыванию к топографическим картам сезонных маршрутов кочевок оленеводов Тухардской тундры и частично соседних с ней территорий (Носковской, Тазовской, Гыданской, Воронцовской и Мунгуйской тундр): как современных, так и советского и иногда даже доколхозного временных срезов, — а также некоторых рыбацких промысловых точек и других значимых географических объектов, например священных мест. Такого рода информация имеет первостепенное значение для восстановления языковых контактов жителей Тухардской тундры (тундровых ненцев, тундровых и лесных энцев, долган): если для этнических групп, ведущих оседлый образ жизни, характерны языковые контакты, реализующиеся благодаря совместному проживанию в одном населенном пункте или благодаря соседству двух населенных пунктов друг с другом, то языковые контакты оленеводов-кочевников, охотников и рыбаков, принадлежащих к разным локальным этническим группам, оказываются возможны благодаря пересечениям маршрутов сезонных кочевок и организации совместных временных стойбищ, а также совместному нахождению на промысловых и рыбацких точках.

В ходе экспедиции нами было сделано всего около 150 меток с комментариями на картах в программе "SAS Planet" 22. Так, например, были локализованы основные значимые священные сопки Тухардской тундры и низовьев Енисея:

- Ha"но 'м δ ха / Da2 η о- ' δ тоха 'утка-нырок-GEN.SG спина';
- Хэхэ' м $\check{a}$ ха / Х $\check{x}$ х $\dot{y}$ °- $\dot{y}$ м $\dot{y}$ х-«хэхэ»-GEN.SG спина';
- *Cuxupmя' cede* "э (*Шихирча' шеде*"э) / *Si*iχ°*rtia-*² *siedie*?° [ʃiɣərt͡cಠʃediéʔ] '«сихиртя» ²³-GEN.SG большая сопка' (букв. «Сихиртя сопка»);

²² За помощь в сборе и анализе картографического материала автор выражает глубочайшую признательность Виталию Викторовичу Пелиху.

 $^{^{23}}$ *Сихиртя* — «(миф.) $\langle ... \rangle$ маленькие безобидные существа, живущие под землей и по временам выходящие на поверхность, например за водой; своеобразные северные гномы» [Терещенко 1965: 563—564].

второе название данной священной сопки — $Сэр \, \check{x}xa' \, cede$ " э ($Cэр \, \check{x}xa' \, uede$ " э) / $Ser \, j \not z xa^{-2} \, s'ed^{i}e$? [ser $j \not z ya^{2} \, \int ed^{i}e$?] 'соленый река-GEN.SG большая_сопка' (букв. «Соленой реки сопка», т. е. сопка недалеко от р. Соленая — притока р. Большая Хета);

третье название данной священной сопки — $C ext{-}p \ s' \ cede$ "э ($C ext{-}p \ s' \ wede$ "э) / $Ser \ ja^2 \ s'ed^je$? [ser $ja^2 \ s'ed^je$?] "соленый земля-GEN.SG большая_сопка" (букв. «Соленой земли сопка», т. е. сопка недалеко от р. Соленая — притока р. Большая Хета) и др.

Как показал опрос информантов-жителей Тухардской тундры, с некоторыми сопками связаны также предания о войнах тундровых ненцев и энцев. Так, по словам респондента Яптуне²⁴ Ивана Лапсу́евича (1953 г. р.), существует предание, что на сопке *Левдэй/Lew°dej°* [liɛw³déj] букв. 'проваленная' (также ее называют *Лысая гора*) ненцы и энцы «сложили луки» и заключили перемирие, договорившись, что первые займут левый берег Енисея, а вторые — правый (при этом предание говорит также о разделении энцев на «воронцовских» и «потаповских») [Инф. ЯИЛ: аудио № 1]. Другое связанное с топонимом предание, которое И. Л. Яптуне узнал в детстве от своей матери, повествует о сопке *Вэхэла́ва/Wexaləwa* [wèyəlşwg]²⁵ (ср. *wexana*- [Salminen 1998: 526], *вэ́хэна(сь)* 'выглядывать; смотреть непродолжительное время' [Терещенко 1965: 79]; *wexadø*- [Salminen 1998: 526], *вэ́хэда́(сь)* 'устремиться куда-либо; залезть куда-либо; высунуться откуда-либо' [Терещенко 1965: 79]), с которой «подзорные» из тундровых ненцев высматривали, не идут ли с противоположного (правого) берега Енисея на них войной тундровые энцы.

3.3. Проблема временной ограниченности

Большинство наших информантов составляют жители Тухарда и Тухардской тундры 1950—1970-х гг. р. Конечно, нами были опрошены и более пожилые респонденты, но их количество не так велико. Как правило, информанты довольно легко вспоминают и рассказывают о своих родителях и событиях в их жизни, однако подробно про дедушек и бабушек, а тем более про прадедушек и прабабушек могут рассказать далеко не все. Таким образом, временной срез, о котором мы можем получить информацию от них, как правило, охватывает период не ранее 1930—1950-х гг., реже 1910—1920-х гг.

Отметим, однако, что некоторые информанты (чаще мужчины) могут обладать информацией о своих более далеких предках: так, Яптуне Иван Лапсу́евич (1953 г. р.) знает некоторые биографические сведения не только о своем отце по имени Лапсу́й Хохо́евич / Иванович (1914—1968 гг.), деде по отцовской линии Хохо́е²⁶ / Иване (1870—1940-е гг.), прадеде Ава́чо (ср. А́бачо [Ненянг 1996: 27]) и его младшем брате Ха́чи (см. Ха́чи [Ненянг 1996: 66]), но и о прапрадеде Пою́ндама (ср. По́е '(приблиз.) средний' [Ненянг 1996: 53]) и шести его братьях, а также даже о прапрапрадеде Хэ́льку (ср. Хэ́лько [Ненянг 1996: 69]) из рода Яптунэ. Таким образом, социолингвистическое интервью с Иваном Лапсуевичем позволяет нам, хотя и очень фрагментарно, составить представление о языковой ситуации и локализации разных этнических групп в низовьях Енисея в середине XIX в.

3.4. Проблема интерпретации терминов родства

Самодийские системы родства значительно отличаются от русской. Так, в тундровом ненецком языке важным при выборе термина родства оказывается «учет старшинства»: старше или младше говорящего или его родителей обозначаемый им родственник; подробно о ненецкой родственной терминологии см. в работе [Куприянова 1954].

При этом для номинации одних типов родственных отношений в тундровом ненецком языке может использоваться один термин родства, тогда как в русском — несколько. Как отмечала Л. В. Хомич, многие ненецкие термины родства «охватывают целые группы лиц, принадлежащих часто к разным поколениям»: «Так, например, словом upu^{27} обозначаются "мой" дед (отец "моего" отца или матери), старший

 $^{^{24}}$ В документах этого информанта фамилия пишется именно как «Яптуне» (с буквой e в конце), а не «Яптунэ» (с буквой э в конце).

²⁵ Символом_。 («кружочек») отмечена огубленность гласного, возникшая в результате соседства с билабиальным согласным.

²⁶ См. об имени *Хохо́й* в работе [Ненянг 1996: 68].

²⁷ Ср. в других источниках: *ири* 'дед, дедушка (отец отца или матери); прадедушка; старший брат отца или матери; свекор; старший брат мужа; все мужчины из рода мужа, старше его; (перен.) медведь, волк' [Терещенко 1965: 147]; *yiryi* [Salminen 1998: 274, 542]; О, Sj., U, U-Ts. *jīrī*, OP *jiř'rī* 'Grossvater (z. B. Vater od. älterer Bruder der Mutter, des Vaters, U auch: Vater der Frau, des Mannes)' ('дедушка (например, отец или старший брат матери, отца, в

брат "моего" отца и отец "моего" мужа (если "я" женщина); термином $нинекa^{28}$ обозначается "мой" старший брат и младший брат "моего" отца, а также сын старшего брата "моего" отца (если он старше "меня") $\langle \ldots \rangle$ » [Хомич 1966: 160].

Наоборот, для номинации других типов родственных отношений в русском языке может использоваться один термин родства, тогда как в тундровом ненецком — несколько. Например, для номинации родственных отношений, обозначаемых в русском языке понятием 'дядя', в тундровом ненецком языке служат не менее трех разных слов: 1) *ири* 'старший брат отца или матери' (не только 'дед, дедушка (отец отца или матери)') [Терещенко 1965: 147]; 2) *нека* (вост.) [там же: 293] $\sim$ *няка* [там же: 341] $\sim$ *нинека* 'дядя, младший брат отца' [там же: 313]; 3) *тидя* 'младший брат матери' [там же: 658]²⁹. Ср. аналогичную ситуацию с обозначением понятия 'тетя, тетка': 1) *хада* 'тетя, старшая сестра отца или матери' [Терещенко 1965: 714]³⁰; 2) *нябако* 'тетка, младшая сестра отца' [там же: 336]³¹; 3) *ней* 'тетка, младшая сестра матери' [там же: 306]³².

Из-за такого «семантического неравенства» терминов родства в разных этнокультурных пространствах в ходе проведения социолингвистических интервью с генеалогическим компонентом нередко целесообразным оказывается уточнение некоторых понятий родственной терминологии не только на русском, но и непосредственно на тундровом ненецком языке (например, когда необходимо выяснить, о дяде по материнской или отцовской линии идет речь).

3.5. Проблема установления имен предков

До недавних пор в традиционной культуре тухардских ненцев существовал запрет называть взрослых людей, особенно старше себя, по имени (этот запрет до сих пор сохраняется, например, в быту ненцев-оленеводов севера Ямальской тундры). К родственникам старше себя в ненецкой культуре всегда было принято обращаться соответствующими терминами родства, а ко всем взрослым людям, если у них были дети, — с помощью конструкции «X-а мать» («X-GEN.SG мать»), «X-а отец» («X-GEN.SG отец»), где X — имя любого (обычно старшего, но необязательно) из детей того человека, к которому обращаются, например: Tыя́лик' небя (Tijal ^{i} i ^{i} k $^{\circ}$ - ^{i} n ^{i} eb ^{i} a 'Тыялик-GEN.SG мать') букв. 'Тыялика (мужское имя) мать'; Dія́мби' н $\bar{u}$ ся (D1) D1 (Сокращение от женского имени Руслана) мать'.

Ситуация с установлением точных женских имен родственниц информанта осложняется еще и тем, что обозначение женщин также часто строится в рамках конструкции «X-а жена, супруга» («X-GEN.SG жена, супруга»), например: $X\dot{a}$ чи ' не 'Xaчи-GEN.SG женщина', $T\dot{b}$ я ' nухучя 'Тыя-GEN.SG жена' (запись дана в стандартной ненецкой орфографии, для таймырского диалекта ТН более фонетически точной была бы запись Tыя ' nухуча). Таким образом, респонденты часто не могут назвать определенных имен своих предков, особенно женского пола.

 ^{28} Ср. в других источниках: нинека 'старший брат; дядя, младший брат отца; двоюродный брат (сын брата отца, старше говорящего); все мужчины из рода отца, старше говорящего' [Терещенко 1965: 313] $\sim$ няка 'старший брат; дядя, младший брат отца' [Терещенко 1965: 341] $\sim$ нека (вост.) 'то же' [Терещенко 1965: 293]; nyinyeka $\sim$ nye°ka [Salminen 1998: 180, 181]; О, U-Ts. n'ēkkp, Sj. n'ākkp, U, Oks. n'ġkkp 'älterer Bruder; jüngerer Bruder des Vaters' ('старший брат; младший брат отца') [Lehtisalo 1956: 313b].

²⁹ Ср. фиксацию всех значений данного слова: *тидя* 'младший брат матери; все мужчины из рода матери, моложе ее; сыновья младшего брата по отношению к сыновьям старшей сестры' [Терещенко 1965: 658]; ср. *tyidya* [Salminen 1998: 232, 521].

³⁰ Ср. фиксацию всех значений слова *хада* в подстрочной сноске 27.

³¹ Ср. фиксацию всех значений данного слова: *нябако* 'старшая сестра; тетка, младшая сестра отца; двоюродная сестра (дочь брата отца, старше говорящего); все женщины из рода отца, старше говорящего' [Терещенко 1965: 336]; ср. *nyabako* [Salminen 1998: 297].

 ^{32} Ср. фиксацию всех значений данного слова: *ней* 'тетка, младшая сестра матери; все женщины из рода матери, моложе ее' [Терещенко 1965: 306]; *пуеуа* (N $ya \rightarrow y\emptyset$) [Salminen 1998: 236]. Краткость второго гласного в этом слове в форме номинатива единственного числа в словаре [Терещенко 1965: 306] отмечена ошибочно.

См. об этом также в работе Л. П. Ненянг об именах таймырских ненцев: «В прошлом ненец открыто носил свое взрослое имя вплоть до совершеннолетия, до свадьбы. После вступления в брак на настоящее имя человека накладывался запрет. Имя как бы пряталось, умалчивалось, почти никогда, особенно при самом человеке, не произносилось вслух. Родственники строго придерживались этого правила. Теперь назвать человека его собственным именем считалось кощунственным, оскорбительным» [Ненянг 1996: 12—13].

В настоящее время в Тухардской тундре запрет называть взрослого человека старше себя по имени практически стерся, однако он был жив еще в недавнем прошлом, и именно в силу его действия информанты часто не могут назвать имен своих дедушек и бабушек, т. к. родители в естественных условиях традиционных верований и культуры не могли передать им знание об этих именах (кроме того, еще более строгим был запрет называть по имени покойных). Об этом факте свидетельствует и специалист по культуре таймырских ненцев, ненецкая писательница, журналист и собиратель фольклора Л. П. Ненянг: «Если раньше взрослого человека вдруг спросили бы: "Как тебя зовут?" или "Как зовут твоего отца (твою мать)?", ответом наверняка было бы молчание, в лучшем случае прозвучало бы: "Не знаю". Ненец не назвал бы ни своего имени, ни тем более имени своих родителей. Чаще всего спрашивающий узнавал его имя от кого-нибудь другого, но уже как бы по секрету» [Ненянг 1996: 12].

Кроме того, для ненецкой культуры типична ситуация, когда один человек имеет ненецкое имя, «русское» имя, которое используется в официальной сфере (значится в документах), и прозвище. Все это зачастую может затруднять идентификацию конкретных лиц, о которых идет речь в разных социолингвистических интервью. Также эту идентификацию осложняет и тенденция в речи некоторых информантов старшего возраста использовать «фиктивные» отчества вместо имен: так, респондентка Г. Х. Силкина (урожд. Яптунэ, 1950 г. р.) регулярно называет своих предков по отцовской линии, носивших имена *Ха́во* "лэ и *Ты́я*, словами *Хавола́евич* и *Ты́евич* (являющимися по форме «отчествами») и даже своего отца *Хо́льчо* — словом-«отчеством» *Хольчо́вич*, как будто бы речь идет не о нем самом, а о ком-то из его сыновей — ее братьев.

Интересной особенностью, характерной для имянаречения в ненецкой культуре низовьев Енисея, является «принадлежность» имен определенным родам: так, Л. П. Ненянг в своей работе [Ненянг 1996], в которой она собрала и, насколько было возможно, проэтимологизировала имена таймырских ненцев, указывает, какие имена «издавна принадлежат» какому-либо роду и наиболее распространены среди представителей какой-либо фамилии, а какие являются широкоупотребительными. Например: роду Тэ́седо принадлежат имена Тэ́уга, Е́вачи, роду Яптунэ́ — имена Хохо́й, Ха́чи, Мемг, По́ё, Со́йта, Ты́я и др., роду Вэ́нго — имена Хо́льма, Ля́мбида, Пы́ятома и т. д. Представление о «принадлежности» имени определенному роду до сих пор остается распространенным в Тухардской тундре. Кроме того, в настоящее время в Тухардской тундре общепринято называть мальчиков именами дедушек и девочек — именами бабушек (чаще по отцовской линии), таким образом осуществляя передачу как мужских, так и женских имен «далее по роду».

Также наши информанты неоднократно упоминали и об обычае имянаречения, когда имя ребенку выбирают и дают не сами родители, а их старшие родственники — дедушки и бабушки. По фонетическому облику таких имен, данных ребенку старшими родственниками, можно судить о родном языке этих родственников. Так, у одной женщины, происходящей из семьи, где мать является представительницей этнолокальной группы тундровых ненцев (^{7}), а отец — наполовину тундровым энцем (^{7}) — по мужской линии) и наполовину долганином (^{3}) — по женской линии), зафиксировано три имени:

- 1) «русское» (официальное) имя Лидия;
- 2) тундрово-ненецкое имя ТН *Éрвне* [érun^je] (см. об этом имени [Ненянг 1996: 78]);
- 3) тундрово-энецкое имя, данное ей дедушкой по отцовской линии, родным языком которого был тундровый энецкий, ТЭ *Каян*э (? ср. *каја* 'солнце; солнечный' и *ne* 'жена; женщина').

3.6. Проблема определения уровня владения языком/языками

Когда в ходе социолингвистического интервью информант перечисляет языки, которыми владели его родители и другие старшие родственники, нередко бывает сложно определить действительный уровень владения данных людей названными языками, и даже наводящие вопросы о том, с кем, когда и при каких обстоятельствах шло общение на этих языках, не всегда могут прояснить ситуацию. Сами респонденты не всегда могут точно охарактеризовать, насколько хорошо их старшие родственники могли го-

³³ Здесь и далее ТЭ — тундровый энецкий, тундровый энец.

³⁴ Здесь и далее Д — долганский, долганин.

ворить и понимать устную речь на языках, имевших в прошлом распространение на территории Тухардской тундры. Часто эти характеристики оказываются слишком общи и лишены детализации и конкретики. Отметим при этом также, по нашему мнению, типичное для жителей Тухардской тундры преувеличение степени владения языками, когда они говорят не о себе, а о других людях: так, хорошим уровнем владения тундровым ненецким языком на этой территории может считаться такой, какой оленеводы, живущие, например, на севере Ямальской тундры, не в условиях многоязычия, хорошим бы не посчитали.

Чаще всего, говоря об общем уровне владения каким-либо языком, наши респонденты — жители Тухардской тундры — используют следующие выражения:

1) о высоком уровне владения языком — *«полностью»* ['знать / выучить язык', 'разговаривать на языке'], *«знать весь язык»*, ср.

[Инф. A3B:] *«Некоторые были ветеринары, которые <u>полностью ненецкий учили</u> — разговаривали хорошо» [Инф. A3B: аудио № 4, с. 5];*

[Инф. АЗВ:] «Я вообще удивилась — дяденька русский, <u>полностью на ненецком разговаривает</u>» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 6];

[Инф. АЗВ:] *«Мы жили в тундре — мы <u>знаем свой нене́цкий язык полностью</u>. Это вот, эти вот уже не знают» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 5];*

2) о более низком уровне владения языком — «наполовину (знать язык)»; ср.

[Инф. КЕА:] «*Ненецкий <u>наполовину только знаю</u>*» (= 'не говорю на ненецком хорошо') [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 3].

Для определения уровня так называемого "listening", пассивного понимания устной речи на какомлибо языке, «тухардцами» обычно используется глагол *«слышать»* в значении 'понимать', например: [Инф. СГХ:] *«Вот Юра ⟨…), в Левинске* ⟨в Левинских Песках⟩ *когда работали, среди этих, долган, он слышал, что они говорят*. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 20].

Для определения уровня "speaking", активного производства устных текстов на каком-либо языке, наши информанты обычно употребляют следующие описательные конструкции:

- 1) о высоком уровне «чисто говорить», «разговаривать спокойно» (см. примеры ниже);
- 2) о низком уровне *«маленько говорить»*, *«помаленьку говорить»*, *«выговаривать слова»*, в последнем случае речь, как правило, идет о знании очень ограниченного словарного запаса (обычно без знания грамматики), ср.:

[Инт.:] «А Нина Егоровна русский знала язык?» [Инф. ПАИ:] «Откудова ⟨откуда⟩?! Так, маленько, "хлеб" да это, чего там взять» ⟨названия некоторых предметов⟩ [Инф. ПАИ: аудио № 1, с. 4];

[Инф. АЗВ:] *«Ну так вот, по дому-то иногда выговаривает какие-нибудь слова* ⟨на тундровом ненецком⟩» (об одной из своих дочерей) [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 12];

[Инф. КРВ:] «Отец у нас, да, должен знать, потому что, когда... что же, передача какая-то была на э́нецком языке... он... ну, <u>говорил эти слова</u>, <u>переводил</u> ⟨с тундрового энецкого на тундровый ненецкий⟩» [Инф. КРВ: аудио № 1, с. 9].

Приведем здесь как пример связный фрагмент интервью, когда наша информантка З. В. Алькова (в девичестве Лампай, 1971 г. р.) описывает, какими языками и насколько хорошо владела ее бабушка по материнской линии Лы́рмина Александра Никаноровна (1922 г. р.):

«Моя бабушка на э́нецком разговаривала. Да, бабушка, мамы моей мама, Александра Никаноровна, вот та разговаривала по-э́нецки. Ну, они же аргишили (кочевали, переезжали с места на место, запрягая оленей в аргиши — караваны из одной легковой и нескольких грузовых нарт) с энцами, с этими, с долганами. Какие-то слова долганов знала, потому что на ту сторону Енисея ходили они там и долгане бывали, разговаривали. Больше на нганасанский, я слышала, говаривала она, бабушка. (...) А у меня бабушка и на э́нецком могла разговаривать спокойно, вот на нганасанском ещё, да. Она вот разговаривала на других языках. На э́нецком разговаривала, с энцами разговаривала она спокойно. С Туглаковыми она разговаривала, а Туглаковы — воронцовские же, энцы. (...) Ну, когда раньше, когда аргишили, наверно, попадались им эти, энцы, нганасане. Вот по той стороне Енисея (на правом берегу Енисея) же нганасане близко же. (...)

Вот, я вот слышала, как она с ними, с этим самим, с Туглаковым Касо, с ним разговаривала на э́нецком языке. Я еще говорю: "Что за ты тарабарщину, — говорю, — несёшь?!". Грит ⟨говорит⟩: "На э́нецком разговариваю". Я говорю: "А то слова вроде и похожи чем-то на нене́цкий, да, э́нецкий, а чем-то, — говорю, — немножко не похожи". Она говорит: "Я могу и на нганасанском". ⟨Интервьюер: «Но, как она на нганасанском говорит, Вы не слышали?»⟩ Нет. Это она сказала: "Я ещё могу и на нганасанском разговаривать". В районе-то Воронцова-то, там, тундра-то тоже немаленькая, наверно, они далеко уходили, олень же не у берега же Воронцова, там, наверно, крутился, всё-таки вглубь уходили, и вот эти, устьавамские ⟨нганасаны⟩ эти, может, подходили там, что она могла разговаривать. Но что, просто, может быть, она какие-то слова знала, необязательно же, что она весь язык знала. Так и мы иногда на английском, что учили, можем что-нибудь сказать, или прочитать, или… А перевести уже не сможешь» [Инф. АЗВ: аудио № 1].

3.7. Проблема фрагментарности и трудности верификации полученных данных

Далеко не все информанты, опрошенные в ходе социолингвистических интервью, имеют подробную биографическую информацию о своих предках. При этом далеко не все данные, полученные в результате таких опросов, могут быть верны и соответствовать действительности, однако, т. к. «сообщество» Тухардской тундры имеет относительно стабильный состав и большинство коренного населения этих мест приходится друг друг близкими и дальними родственниками, данные интервью, получаемые от разных респондентов, оказываются взаимно верифицирующими (особенно когда речь идет о знаковых и «легендарных» персоналиях).

3.8. Проблема классификации и унификации полученных данных

Биографические данные о предках, извлекаемые из интервью с респондентами, и сведения об их языковых практиках трудно классифицировать и унифицировать — история и языковое поведение каждого конкретного человека уникальны, а их исследования представляют собой своего рода "case studies". При дальнейшем анализе полученного материала нам еще предстоит выработать принципы и методы классификации подобного рода данных.

4. Языковые идиомы и локальные этнические группы, представленные в Тухардской тундре в XX в.

В первую очередь следует оговорить, что в данном разделе мы не рассматриваем русский язык, которым в настоящее время владеют почти все жители Тухардской тундры, за исключением некоторых пожилых людей и детей дошкольного возраста. Вопрос о языковом сдвиге в сторону русского и о том, как русский язык усваивался коренным населением в низовьях Енисея, заслуживает отдельного и детального рассмотрения, и в данной статье мы не будем его затрагивать.

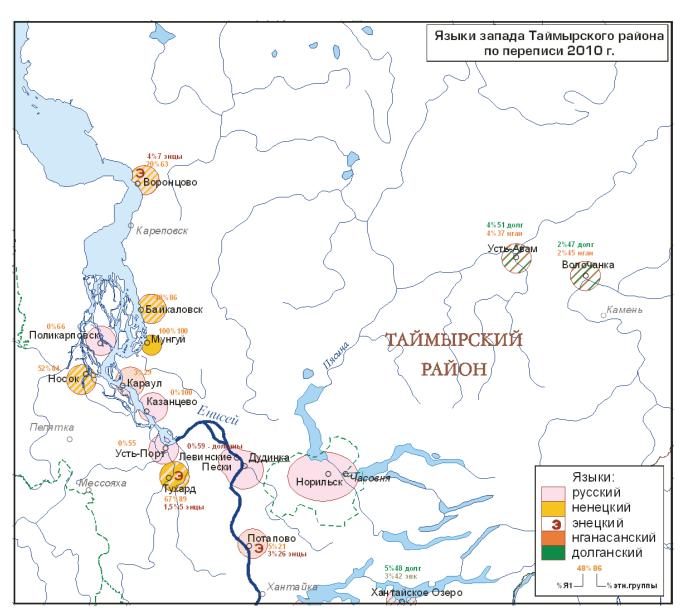
На карте (рис. 3), сделанной Ю. Б. Коряковым, показаны населенные пункты и географические объекты, о которых говорится в данной статье, и приведены численные данные о количестве представителей этнических групп и носителей, говорящих на языках этих групп.

4.1. Тундровый ненецкий язык (ТН) < северносамодийские < уральские

В настоящее время основным языком общения коренного населения Таймыра, проживающего сейчас в Тухардской тундре, является тундровый ненецкий. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 89% всего населения Тухарда и приписанной к нему Тухардской тундры составляли тундровые ненцы, при этом 67% всего населения говорило на тундровом ненецком языке. Идиом, функционирующий в Тухардской тундре, — это тухардский говор енисейского (таймырского) диалекта тундрового ненецкого языка.

Енисейский (таймырский) диалект является самым восточным идиомом в диалектном континууме данного языка (см. таблицу 3) и имеет ряд черт, отличающих его не только от западных и центральных говоров, но и от других восточных, что отмечают и сами носители:

[Инф. ВИА:] «А с Гыды́ вот — тюменские там $\langle$ о гыданском диалекте, распространенном на территории Ямало-Ненецкого АО, формально входящего в состав Тюменской области $\rangle$. Ну, у них язык тоже другова́тый, не такой, как у нас. Ну, язык другой — такой, ну, как акцент у них» [Инф. ВИА: аудио № 1, с. 16].

Рис. 3. Языки и численность их носителей на западе Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края, по данным Всероссийской переписи 2010 г. Автор карты — Ю. Б. Коряков.

Таблица 3. Диалектное членение тундрового ненецкого языка, по данным [Терещенко 1965: 8—11]

западные диалекты		центральный	восточные диалекты	
крайнезападные	западный	диалект	восточные	крайневосточные
канинский	малоземельский	большеземельский	приуральский	надымский
тиманский			ямальский	тазовский
колгуевский				гыданский
				таймырский (= енисейский)

Приведем здесь несколько примеров фонетических особенностей енисейского (таймырского) диалекта, которые характерны в полной мере только для него (и в меньшей степени, менее последовательно для «соседнего» с ним гыданского) и не представлены в других диалектах, в том числе и в тех восточных, которые находятся западнее Обской губы.

1) **Фрикативизация** — переход переднеязычного смычного взрывного звонкого согласного [d] во фрикативные (щелевые срединные) звонкие согласные звуки — плоскощелевой [ð] или реже круглощелевой сибилянт [z], например: [jáðne]/[jázne] вместо лит. [jádnie] (ненецкая фамилия Яднэ/Ядне); [ŋáʃəðɐ]/

[ŋáʃəzɐ] вместо лит. [ŋásʲədɐ] (ненецкая фамилия Hacsň∂a); [ҳáðɐ]/[ҳázɐ] вместо лит. [ҳádɐ] 'бабушка; прабабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их; бабушка (обращение к любой старой женщине)' (xa∂a); [jeð]/[jez] вместо лит. [jed] 'котел' (e∂); [nʲáðɐ]/[nʲázɐ] вместо лит. [nʲádɐ] 'ягель' (Ha∂a) и др. Особенно широко данная фонетическая черта распространена в речи более молодого поколения (1960—1980-х гг. р. и далее) и менее регулярна для носителей старшего возраста. (Отметим, что эта фонетическая черта, помимо крайневосточного таймырского диалекта, по нашим экспедиционным данным, спорадически наблюдается только в речи отдельных носителей крайнезападных диалектов тундрового ненецкого языка — канинского и колгуевского, — но не характерна для центральных и восточных говоров.)

Следует обратить внимание на то, что эта особенность (фрикативизация) в еще большей степени (аллофоны [z], [z:] и [ð] фонемы /z/) характерна для тундрового энецкого идиома, с носителями которого тухардские (таймырские) ненцы находились в тесном языковом контакте в низовьях Енисея: ср. ТЭ *ize* [iz:e], [iz:ɛ], [iði] 'котел'; *naza* [naza?], [naða] 'ягель' и др. (примеры этих произношений можно прослушать в электронном тундрово-энецком аудиословаре О. В. Ханиной: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view).

2) Аффрикатизация (смычного) — переход переднеязычного смычного взрывного глухого палатализованного согласного [ti] в аффрикату [tc], например: [nósko² teer?] вместо лит. [nósko² ter?] ([nòskondiér?]) 'Носок-GEN.SG наполнение-NOM.PL' (название жителей поселка Носок и Носковской тундры); [fiyərteಠfedié?] вместо лит. sitx²rta-² siedie?² '«сихиртя»-GEN.SG большая_сопка' (букв. «Сихиртя сопка»). Эта фонетическая черта в полной мере представлена только в самом крайневосточном — таймырском — диалекте тундрового ненецкого языка, но в меньшей степени и не так последовательно (обычно не с полной аффрикатизацией, а с наличием фрикативного шума после смычного [ti]) характерна также и для другого крайневосточного диалекта — «соседнего» гыданского, — при этом она не наблюдается ни в западных, ни в центральных идиомах, ни в восточных говорах, которые находятся западнее Обской губы (она не представлена даже в ямальском диалекте). Эта фонетическая особенность также была обнаружена нами в опубликованных текстах на таймырском диалекте, например: Чедав' (вместо лит. meдав') сэр" паны серыди'! 'Теперь-то одевайтесь в белые парки!' [Лабанаускас 1995: 9, 10].

Аналогичный фонетический переход произошел в недавней истории лесного и тундрового энецких идиомов, с носителями которых таймырские (енисейские) ненцы находились в тесном контакте последние 200 лет.

В таймырском диалекте аффрикатизация смычного [ti] происходит и в позиции после носового сонорного согласного, в которой [ti] не озвончается в [di], как в центральных и восточных говорах западнее Обской губы, а переходит в аффрикату [te], например: [niúmtee] (из [niúmtee]) вместо лит. [niúmdee] 'имя-NOM.SG.POSS3SG' ('имя-его'). Эта особенность также была обнаружена нами в текстах на таймырском диалекте: Чикы манто нгыдамаду' яду' нюмча (вместо лит. нюмдя) Нгытуре, Нгытурем' нюбенга 'Это место теперь называется Нытуре' [Лабанаускас 1995: 95, 96].

3) «**Чоканье**» — переход аффрикаты [$\widehat{ts'}$] (в орфографии лит. ub, в фонологической записи — c') в [$\widehat{te}$] (в орфографии можно записать как ub) — характерно для всех восточных диалектов тундрового ненецкого языка, например: [pærteetíwe?] вместо лит. (большеземельского) $pæ^{\circ}r$ - $c^{\circ}ti$ -wa? (npuemba") 'звать, называть'-HAB-IND.PRES/AOR.OBJ(SG).1PL; [jiljéwàte] вместо лит. $jilje^{\circ}$ -wac j° ($unebau_b$) 'жить'-IND.PAST.SUB.1PL.

Однако для таймырского диалекта (и менее последовательно для гыданского) «чоканье» проявляется также и в сочетании «носовой сонорный согласный + аффриката» — без перехода аффрикаты в звонкий [z^i], характерного для центральных и восточных ненецких говоров западнее Обской губы, например: тайм. [n^i :ntei²] (n^i) вместо лит. [n^i : n^i : n^i 2] (n^i 2) при фонологической записи n^i 3 n^i 6. Эта фонетическая особенность также была обнаружена нами в опубликованных текстах на таймырском диалекте, например: n^i 4 n^i 6 n^i 6 n^i 7 n^i 8 n^i 9 n^i 1 $n^$

4) **Отсутствие оппозиции по глухости** / **звонкости** шумного согласного в сочетании «носовой сонорный + шумный»: [χánsotà] / [χánsotà] вместо лит. [χánzotà]. См. также об этом в 2) и 3).

Отметим здесь также еще две фонетических черты, в равной мере характерных для енисейского (таймырского) и другого, «соседнего» с ним, крайневосточного диалекта — гыданского, — но не наблюдающихся ни в западных, ни в центральных идиомах, ни в восточных говорах, которые находятся западнее Обской губы (даже в ямальском диалекте).

1) «**Шепелявое» произношение** — переход переднеязычного альвеолярного глухого палатализованного круглощелевого сибилянта (фрикативного) [si] в переднеязычный постальвеолярный (палатоальвеолярный) глухой плоскощелевой сибилянт [ʃ], например: [mɛnéʃ] 'сказал'; [ʃɨɣərteà' ʃedɨćʔ] вместо

лит. $s^{j}i\chi^{\circ}rt^{j}a^{-j}$ $s^{j}ed^{j}e^{2}$ '«сихиртя»-GEN.SG большая_сопка' (букв. «Сихиртя сопка»); [ŋáʃəðɐ] вместо лит. [ŋásˈədɐ] (ненецкая фамилия $Hac\check{s}oa$); [ʃúnʃ²fækờ]/[ʃúnʃ²ʃəkờ] вместо лит. $s^{j}unc^{\circ}ko$ (ненецкое имя Cohcko) и др.

2) Деаффрикатизация (утрата смычки) — переход твердой аффрикаты [ts] (в орфографии *ц*, в фонологической записи — *c*) в переднеязычный глухой круглощелевой сибилянт (фрикативный) [s], например: [lú:se] вместо лит. [lú:tse] (фонологически *lūca*, орфографически *луца*) 'русский'; [ро́гse] вместо лит. [ро́гse] (фонологически *porca*, орфографически *порца*) 'вяленая рыба, сваренная в рыбьем жиру'; [lórse] вместо лит. [lórtse] (фонологически *lorca*, орфографически *лорца*) 'пригорок'; [niárso] вместо лит. [niártso]/[niártso] (фонологически *niarco*, орфографически *нярцо*) 'исландский мох (мох-сфагнум)'; суффикс отглагольного существительного [-bso] вместо лит. -bco; суффикс глагольной формы "necessitative mood" [-bsu] вместо лит. -bcu. Эта фонетическая особенность также была обнаружена нами в опубликованных текстах на таймырском диалекте, например: *Юнггодахани' хибяри тарчари тубсу* (вместо лит. *тубцу*) 'Во время нашего отсутствия придет один человек' [Лабанаускас 1995: 12, 14].

Локальная группа тундровых ненцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями (полужирным шрифтом фамилии приводятся в записи, принятой в документации данного региона; в круглых скобках также дана запись фамилий на тундровом ненецком языке):

- 1) **Яптунэ́**, реже фиксируется в документах как Яптуне́ 35 (ТН Ўбтоуэ́; жен. 36 Ўбтой'), 'гусиная лапа' < ўбто' + уэ (jəbto- ^{7} + уж) 'гусь-GEN.SG' + 'нога' самый многочисленный род, внутри которого выделяются отдельные родовые подразделения, например:
- а. *Хабт уа́рка Йотоуэ́* (*xabt*° *ŋarka jəbto-*² *ŋæ* 'кастрированный_олень-самец большой гусь-GEN.SG нога') 'имеющий больших кастрированных оленей-самцов Яптунэ';
- б. *Сы́хыча* название этой родовой группы происходит от мужского имени (см. *Сы́хыча* '(приблиз.) беда, затруднение' [Ненянг 1996: 58]);
- в. *Хаченя́та* прозвище происходит от мужского имени *Ха́чи*, мужчины из рода Яптунэ (потомки Хачи Сойтовича Яптунэ);
- г. *Та́б Я́бтоуэ* (tab° $jabto^{-}$ η æ 'песчаный Яптунэ') «камень-Яптунэ», выходцы из Носковской тундры [Инф. ВПА];
  - д. Сына́к [Инф. СГХ];
- 2) **Яднэ**, **Ядне** (ТН Ядне; жен. Ядны') 'идущий пешком' (см. выше о произнесении этой фамилии в тухардском говоре ТН);
  - 3) **Яр** данный род также имеет более мелкое дробление, выделяются, например:
  - а. Мар" нэ́ва Яр (таг? ηæwa jar 'дикий олень-самец голова Яр');
  - б. Вы 'Яр 'тундровый Яр' выходцы «с моря», из Носковской и Воронцовской тундр;
  - в. Лэ "мор" Яр 'маленькая птица Яр' выходцы «с моря», из Носковской и Воронцовской тундр;
  - г. *Тапкины-Яр*;
  - 4) Тэ́седо (ТН Тэ́ся́да; жен. Тэ́ся́ды') 'без оленей; не имеющий оленей' (представлена одна семья-ветвь);
- 5) **Вэ́нго** (ТН Вэ́нга; жен. Вэ́ны') 'собачье ухо' < вэн' + xa (wen- $^{?} + \chi a$) 'собака-GEN.SG' + 'ухо' выходцы из более северной, Носковской, тундры (одна семья-ветвь);
  - 6) *То́ги* (ТН *То́хэ* "(с); жен. *Тохэй*', *Тохэсы*') < от *тохо* "(с) (toxo?) 'материя, ткань';
  - 7) Лампай (ТН Лампай/Ламбай; жен. Лампай'/Ламбай') 'ветвистый (о рогах оленя)';
  - 8) **Пя́ся** (ТН Пяся"; жен. Пясяды") 'без леса, без деревьев' (?);
  - 9) **На́дэр** (ТН *Надер* "; жен. *Надеры*", *Надерой*");
  - 10) Найвоседо (ТН Ӈэвася́да; жен. Ӈэвася́ды') 'безголовый, без головы' (одна семья-ветвь);
  - 11) *Марик* < мар"+ $u\kappa$ = 'дикий олень-самец' + 'шея' (одна семья-ветвь);
- 12) **Береговы́е** (ТН Вырму́й < вэ́рм 'открытое незаросшее место (например, среди кустарника)' [Терещенко 1965: 76], werm°).

Практика заключения смешанных браков (тундровых ненцев с тундровыми и лесными энцами, а также с долганами³⁷) и уникальная ситуация многоязычия в Тухардской тундре привели к тому, что локальная группа тухардских («нахе́тских») ненцев значительно отличается от остальных тундровоненецких групп. Иноэтничные компоненты, адаптированные и «растворившиеся» в локальной группе

³⁵ Во второй половине XX в. предпринималась попытка по-разному писать в документах эту фамилию — в зависимости от места проживания ее носителей: так, по данным И. Л. Яптуне, выходцев Тухардской тундры стремились записывать как Яптунэ (с буквой э в конце), а выходцев Мунгуйской тундры — как Яптуне (с буквой е в конце). Однако это никогда не проводилось последовательно. В Ямало-Ненецком автономном округе эта фамилия обычно фиксируется как Яптунай.

³⁶ В тундровом ненецком языке различаются мужские и женские варианты фамилий.

³⁷ См. подробнее о локальной группе долган в Тухардской тундре и их потомках в п. 4.5. настоящей статьи.

тухардских ненцев, привели к очевидным изменениям в традиционной ненецкой материальной культуре: так, ненцы низовьев Енисея, в отличие от более западных тундровых ненцев, проживают в чумах только в летний период, а зимой — в балка́х с покрытиями из сшитых оленьх шкур (изнутри) и брезента (иногда снаружи), технологию изготовления которых они переняли у долган (рис. 4а—с). Однако влияние «растворившихся» иноэтничных компонентов затронуло не только сферу материальной культуры, но и привело к формированию уникальной самоидентификации тухардских («нахе́тских») ненцев, воспринимающих себя, по собственным словам информантов, «смешанными», а не «чистыми» ненцами (в противоположность «чистым» ненцам, проживающим в Ямало-Ненецком АО). Данная концепция своей идентичности нашла отражение и в самоназвании тухардских ненцев.

Рис. 4а. Вид на стойбище Яптунэ Юрия (Тыялика) и Сергея (Вадалика) Алексеевичей, Вэнго Андрея Няровича и его сына Игоря (Лямби) Андреевича: жилые и хозяйственные балки. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Рис. 4b. Дети у жилого балка на стойбище Яптунэ и Вэнго. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Puc. 4c. Вид сбоку на жилой балок после пурги. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Как неоднократно отмечалось исследователями, для большинства тундровых ненцев самоназванием является словосочетание ТН *ненэй ненэць* '(н) ³⁸ [Терещенко 1965: 299, 300] (пуепеу° пуепесу° h [Salminen 1998: 493]) NOM.SG букв. 'настоящий человек', во множественном числе — ТН ненэй ненэця "³⁹ [Терещенко 1965: 300] NOM.PL букв. 'настоящие люди': «В восточных районах расселения ненцев — на п-овах Ямал и Гыданском, в низовьях Енисея, в качестве самоназвания выступает сочетание слов ненэй ненэць' ("настоящий человек") (...)» [Хомич 1966: 24]. Однако тухардские ненцы не называют себя так и, что особенно интересно и показательно, обозначают этим понятием более западных — «тюменских» — ненцев (т. е. ненцев Гыданской, Тазовской, Ямальской и других тундровых территорий, расположенных в Ямало-Ненецком автономном округе, формально относящемся к Тюменской области), противопоставляя себя им. Ситуация, при которой локальная этническая группа называет представителей другой локальной группы того же этноса, а не себя словосочетанием со значением 'настоящие люди', кажется нетривиальной, если не сказать уникальной.

Приведем здесь показательный диалог с двумя тухардскими женщинами, которые происходят из смешанных долганско-тундрово-ненецких (Д-ТН) семей, владеют тундровым ненецким языком как родным и не знают долганского: Кузнецовой (в девичестве Яро́цкой) Екатериной Андреевной (1983 г. р., далее КЕА) и Яптунэ (в девичестве Яро́цкой) Раисой Алексеевной (1964 г. р., далее ЯРА).

```
[Инт.:] «А ненэй ненэчя́" — вы себя так не называете?»
```

[Инф. КЕА:] «Ненэ́й ненэ́чь' — это же не ненец! Не ненец (т. е. не тухардский ненец)».

[Инф. ЯРА:] «Мы себя так не называем».

[Инт.:] *«Не называете?»*

[Инф. КЕА:] «Нет». (Смеется.)

[Инф. ЯРА:] «*He!*»

[Инт.:] «Это так "тюменские" себя называют?»

[Инф. ЯРА:] «Ну... Нет, <u>мы их так называем!</u> "Кто они там приехали", — грит (говорит)? Ненэ́й ненэчя́". Вот так вот грят (говорят), потихонечку грят (говорят). (Тихо.) Это-то не наши (не тухардские ненцы), значит».

Общим самоназванием тухардских ненцев, с помощью которого они противопоставляют себя «тюменским настоящим людям» ТН ненэй ненэця" (ненэй ненэчя"), является существительное $\omega pa\kappa$ "/jurak° [jörákʰ] NOM.SG)⁴¹, этим словом тухардские ненцы называют любых представителей своей локальной группы. Напомним, что именно это слово легло в основу прежнего, распространенного ранее общего наименования ненцев (особенно восточных) — «юраки»⁴².

 $^{^{38}}$ Для произношения этого слова в восточных диалектах тундрового ненецкого языка более соответствующим было бы написание *ненэчь'*(*н*) — с аффрикатой *ч* вместо *ц*. В скобках указано, с какой согласной фонемой чередуется гортанная смычная фонема.

 $^{^{39}}$ Для произношения этой словоформы в восточных диалектах тундрового ненецкого языка более соответствующим было бы написание *ненэчя*" — с аффрикатой ^{4} вместо ^{4} .

⁴⁰ Символом ö обозначен ненапряженный и продвинутый вперед аллофон огубленной гласной фонемы заднего ряда верхнего подъема.

 $^{^{41}}$ В словарях тундрового ненецкого языка существительное *юрак* не зафиксировано. В них представлено слово ТН *юрё* 'приятель; товарищ в каком-либо деле (о человеке <u>не ненецкой народности</u>)' (также *юрёс*" *ненэця*" 'они приятели') [Терещенко 1965: 816], ср. *ушуо* (N *уо\rightarrowуи*) [Salminen 1998: 313], О, ОР *јш̂r'ш*", Sj., U *јш̂r'ឃ̂* 'Freund' ('друг, приятель'), N *јш̂r'ǫ̂* 'mein Freund' ('мой друг, приятель') (о том, что это существительное обозначает друга не ненецкой этнической принадлежности, свидетельствует следующий пример (в данном случае речь идет о русском): Оз t^{i} *ikk̄ţ* $t\bar{q}$ *d'ib'āṇǎệ* $\eta\bar{o}$ *B*" $l\bar{u}_{i}$ *işæ juur'ឃãôp tạn̂eβ j* 'dieser Zauberer hatte einen Russen zum Freund' ('у этого шамана был один русский друг')) [Lehtisalo 1956: 142a]. Ср. также когнат этого слова в лесном ненецком: $\partial u\eta o$ 'приятель, товарищ в каком-либо деле (о человеке <u>не ненецкой народности</u>)' [Бармич, Вэлло 2002: 30, 248], $\hbar i'l'u$ 'партнер, напарник' [Попова 1978: 24], Nj. $jir'r'\bar{w}$, Р $d'ia\acute{\alpha}\bar{w}$ 'Freund' ('друг, приятель') [Lehtisalo 1956: 142a]. Подробнее об этимологии этого ненецкого слова и возможных самодийско—тунгусо-маньчжурских лексических связях см. [Анкин, Хелимский 2007: 89—90].

⁴² В литературе высказывалось предположение об обско-угорском происхождении слова *юрак*: от хант. V, VK *järyan*-, Vj. *jărkan*-, Vart. *jărkan*, Likr. *jăryan*, Mj., Trj., J *jăryan*-, Irt. ⟨...⟩ *jărən*, Ni., Š, Kaz. *jŏrṇ*, Sy. *jŏrṇ*, Cast. (I) *jaran*, (S) *jargan*, Patk. (I, Ko.) *jaran*, *jarən*, (D) *jargən*, Ahl. *jorrin* "Samojede", Jurake, Nenze/ненец' (Irt., Ni., Š, Kaz., Sy., Ahl.), 'die Tschuden' (Fil.) [Steinitz 1966: 405—407]. П. Хайду отмечал «адаптацию с помощью суффикса этнонимов -ak (ср. *словак*, *пруссак*, *вотяк*, *поляк*, *сибиряк* и т. д.)» и указывал на заимствование данного хантыйского слова в фонетическом облике *jaran* со значением 'самоед' ('ненец') в коми-зырянский язык [Хайду 1985: 125]. Также в ра-

В других северносамодийских языках (нганасанском языке и энецких идиомах) данное существительное в несколько ином фонетическом облике зафиксировано со значением 'ненец': нган. дюрако ~ дюриако [-", дюриаки"; -ту] 'ненец', (устар.) 'юра́к' [Костеркина и др. 2001: 50, 51]; ЛЭ дюра́к ка́са 'мужчина-ненец' [Сорокина, Болина 2001: 36], дюра́к и 'ненка' [Сорокина, Болина 2001: 36]. Ср. об этом мнение Л. В. Хомич: «Словом дюрака энцы и нганасаны называют всех вообще ненцев. Благодаря тому, что контакт между энцами и нганасанами, с одной стороны, и ненцами — с другой, имел место главным образом в районе Енисея, практически это название касалось лишь восточной группы ненцев, что дало повод некоторым исследователям считать, будто бы восточная группа ненцев представляет собой какое-то особое племя или даже народ (следует оговорить при этом, что термином "юрак", "юраки" пользовался Кастрен, но он называл так всех вообще тундровых ненцев)» [Хомич 1966: 28].

Точка зрения на «юраков» как отдельную этническую группу, говорившую на «юрацком» идиоме (также фигурирует как «старовосточный диалект ненецкого языка»), имевшем распространение в «северной части междуречья Таза и Енисея (и, может быть, в некоторых прилегающих районах)» [Хелимский 2000а: 50], подробно представлена в работах Е. А. Хелимского и в настоящее время является общепризнанной. Данный идиом фигурирует в рукописи Герарда Фридриха Миллера (РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 513, д. 7, лл. 15—20) под названием "Jurackisch": « $HOpaku \langle ... \rangle$ в материалах Миллера — в первую очередь, представители ныне исчезнувшей группы, носители юрацкого (старовосточного) диалекта ненецкого языка $\langle ... \rangle$. Нередко, однако, они не дифференцированы от более западных групп ненцев (обдорских самоедов), на которые распространялся этноним $HOpaku \langle ... \rangle$. Сообщение о том, что слово $HOpaku \langle ... \rangle$ представляет собой самоназвание, подтверждается на лл. 337об, 351об.» [Хелимский 2002: 595, сн. 9] $HOpaku \langle ... \rangle$

Е. А. Хелимский подробно описал языковые особенности юрацкого идиома, отличающие его от других северносамодийских: «Совокупность особенностей зафиксированного Г. Ф. Миллером лексического материала позволяет утверждать, что он принадлежит не одному из тундрово-ненецких говоров, а особому диалекту ненецкого языка. «...» В предполагаемой области его распространения ныне распространены говоры тундровых ненцев — тазовский и енисейский (таймырский). Вероятно, старовосточный диалект исчез не позднее середины XIX в. вследствие поглощения его носителей волнами новых миграций ямальских ненцев на восток (см. [Васильев 1975]). «...» Многие фонетические и лексические изоглоссы, отграничивающие старовосточный диалект от тундрового, являются в то же время и межъязыковыми изоглоссами, разделяющими тундровый ненецкий и энецкий языки. «...» Эти характеристики старовосточного диалекта позволяют считать его в определенной степени переходным, занимающим промежуточное положение между ненецкими и энецкими диалектами. Промежуточным было и географическое положение его носителей — "юраков", соседствовавших на западе с тундровыми ненцами, на юго-западе — с лесными ненцами, на юго-западе — с лесными ненцами, на юго — с энцами *пэ-бай* и на востоке — с энцами *сомату*» [Хелимский 2000а: 52].

Можно говорить о некоторой исторической параллели: движение более западных групп тундровых ненцев («ямальских», «тюменских») на восток (в низовья Енисея) осуществляется и в настоящее время, в начале XXI в. (см. выше в п. 1), наблюдалось оно и в XVIII—XIX вв. Ср.: «В результате военных побед над энцами в XVIII — первой половине XIX в. область расселения тундровых ненцев значительно расширилась, они сумели закрепиться на правом берегу Енисея. По-видимому, связанное с этим переселение значительных групп ямальских ненцев на восток привело к поглощению ими небольшой группы ненцев-юраков, которые в начале XVIII в. жили на левобережье Енисея» [Хелимский 2000b: 37].

Некоторая параллель может быть прослежена между «переходным» положением юрацкой этнолокальной группы и процессом ассимиляции части энцев тундровыми ненцами в XVIII — начале XIX в. и процессом «растворения» иноэтничных (энецкого, долганского) компонентов в локальной группе тухардских ненцев-«юраков» на протяжении XX в. Ср.: «Можно предположить ряд путей формирования переходного характера старовосточного диалекта ненецкого языка. Возможно, этот диалект образовался на энецком субстрате в результате ассимиляции одной из этнических групп энцев ненцами. Более правдоподобное, с точки зрения имеющихся данных, объяснение состоит, однако, в том, что распад прасеверносамодийской языковой общности происходил не скачкообразно, а постепенно, в результате до-

боте П. Хайду делается следующее предположение: «В конечном счете источником этнонимов $jaran \sim jorn$ может являться название одного из ненецких родов jar^2 , хотя подобное объяснение также оставляет ряд неясностей» [там же]. В. В. Напольских [Напольских 2005: 253] предположительно связывает это слово с ППерм. *jogra (> pyc. IO2pa).

⁴³ См. также: "Juraki, nennen sich selbst <u>Jurak</u> u. werden auch von anderen also genennet ⟨...⟩. Die Jurakken, welche von ihnen Tributair sind, bezahlen eines theils den Jasak nach Tassowskoe Simowie, andern Theils auch einige nach Koschelowo Simowie am Fl. Peljädka gegen über Tolstoi nos. ⟨Вероятно, в районе современного пос. Носок.⟩ Es ist kein gesetztes oder Oclad was sie bezahlen: man muβ zufrieden seÿn mit dem was sie von selber bringen" [Хелимский 2002: 595].

вольно медленных перемещений отдельных групп самодийского населения на новые территории. При этом промежуточное географическое положение старовосточного диалекта обусловило длительное — и, вероятно, никогда не прерывавшееся — его контактирование как с другими ненецкими диалектами, так и с энецким языком. В такой ситуации на этот диалект могли распространяться некоторые инновации, характерные для энецких диалектов — что, однако, не препятствовало сохранению тесных языковых связей с основной массой ненцев. Переходный характер старовосточного диалекта мог в течение долгого времени обеспечивать его носителям высокий уровень взаимопонимания как с западными, так и с южными и восточными соседями» [Хелимский 2000а: 52—53].

Отметим, что в настоящее время для жителей Тухардской тундры, с которыми говорящий находится в родственных отношениях и в отношениях свойства (зятья, мужья дочерей, сестер, родственниц и т. д.), употребляется также более частное название — хар"на" ненэчийна" букв. 'мы-сами (наши собственные) люди-наши', т. е. подгруппа «самых близких» из общетухардской группы юрак", и при этом эти «самые близкие» совершенно необязательно должны быть тундровыми ненцами: в эту частную подгруппу могут входить и тундровые энцы Силкины, и долгане Яроцкие, и представители любых других фамилий, если они являются свойственниками.

4.2. Тундровый энецкий идиом (ТЭ) < северносамодийские < уральские

В недавних работах [Khanina, Koryakov, Shluinsky 2018] и [Коряков 2018: 159—160, 162, 164] подробно рассмотрена аргументация в пользу того, что тундровый энецкий и лесной энецкий являются диалектами одного языка, а не отдельными языками; в настоящей статье мы придерживаемся точки зрения данных авторов: "Enets is a highly endangered Northern Samoyedic language spoken in the Tajmyr peninsula, Russia. There are two dialects of Enets — Forest Enets (also called Baj, Pe-Baj) and Tundra Enets (also called Somatu, Maddu); they are mutually intelligible, but have a number of clear distinctions in lexicon, phonology, and morphology. Members of the two language communities do not consider themselves as belonging to one ethnic group" [Khanina, Koryakov, Shluinsky 2018: 110]. В статье Ю. Б. Корякова данный вопрос рассмотрен также с точки зрения лексикостатистики: «Ситуация с энецким более сложная: мнения лингвистов о степени различия и взаимопонятности расходятся, хотя скорее склоняются в сторону того, что это единый язык с двумя диалектами, носители которых не воспринимают себя в качестве единой этноязыковой общности. Лексикостатистические данные подтверждают наличие одного энецкого языка» [Коряков 2018: 164].

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 5% всего постоянного населения п. Тухард и приписанной к нему Тухардской тундры приходится на долю энцев, при этом для 1,5% отмечается владение энецким идиомом. Данные, полученные нами в ходе экспедиции 2017 г., позволяют сделать вывод о том, что, по крайней мере в основном, здесь речь шла именно о тундровых энцах и владении тундровым (не лесным) энецким.

Ненцы Тухардской тундры на своем (ТН) языке называют тундровых энцев существительным мандо" (manto-? NOM.PL): возможны варианты произнесения данного слова как [mándo?]/[mándo?]/[mánto?]/ [mánto?] (в форме номинатива множественного числа). Говоря о своих «соседях» — тундровых энцах — на русском языке, тухардские ненцы используют следующие слова: воронцовские, мандойки и мандойки. Первое наименование само по себе говорит о территории, на которой до переселения в Тухардскую тундру жили тундровые энцы, — поселке Воронцово и Воронцовской тундре (северовосточнее Тухарда, на правом берегу Енисея). Второе название происходит от ТН мандой" (mantoj°) "женщина из рода тундровых энцев", третье — от ТН мандо (manto [Salminen 1998: 306]) с помощью русского уменьшительного суффикса. Второе и третье названия тундровых энцев используются в русской устной речи тухардских ненцев, которые имеют с ними родственные отношения или состоят с ними в отношениях свойства, такие наименования не являются оскорбительными и свидетельствуют о расположении говорящего к «близким» ему тундровым энцам (обычно употребляются с притяжательными местоимениями: «мои мандойки», «мои мандойики»).

Основной приток тундрово-энецкого населения «с воронцовской стороны» в Тухардскую тундру произошел в 1970-е гг. (см. подробнее ниже). Локальная группа тундровых энцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями:

- 1) *Си́лкины* (ТЭ *Бай*; ТН *Вай*) выходцы из Воронцовской тундры в 1970-х гг. (покойные Силкин Пуя́ку Баку́лович и Силкин Дёголь / Деголь / Дёголя / Деголя Баку́лович) и их потомки;
- 2) *Туглаковы* выходцы из Воронцовской тундры в 1970-х гг. (Туглаков Ка́со Танулович) и их потомки:
  - 3) *Ми́рных* только как девичья фамилия;
  - 4) *Пилько* только как девичья фамилия.

4.3. Лесной энецкий идиом (ЛЭ) < северносамодийские < уральские

Ненцы Тухардской тундры на своем (ТН) языке называют лесных энцев словосочетанием *пя вай*" (*p¹a waj-2* NOM.PL) букв. 'лесные Вай', 'деревянные Вай' или просто существительным *вай*" (*waj-2* NOM.PL). Говоря о лесных энцах на русском языке, тухардские ненцы часто используют наименование *потаповские*, т. к. в Тухардскую тундру лесные энцы пришли с «потаповской стороны», из Потаповской тундры (юго-восточнее Тухарда, на правом берегу Енисея).

Отметим, что основной приток лесных энцев из Потаповской тундры в Тухардскую проходил намного раньше (видимо, в первые десятилетия XX в.), чем приток тундрово-энецкого населения «с воронцовской стороны» в 1970-е гг. Об этом косвенно свидетельствует как тот факт, что потомки от смешанных браков тундровых ненцев и лесных энцев, как правило, меньше знают о своих «потаповских» предках, чем потомки «воронцовских» тундровых энцев, так и отсутствие уменьшительных наименований родственников с «лесной энецкой стороны», аналогичных названиям, которые тухардские ненцы дают своим «близким» тундровым энцам (мандойки и мандошки). При этом, по нашим полевым данным 2017 г., людей, считающих себя лесными энцами, на территории Тухардской тундры в настоящее время нет.

Локальная группа современных потомков лесных энцев Тухардской тундры представлена следующими основными фамилиями:

- 1) Кая́рины (ТН Ядне 'идущий пешком');
- 2) Ашля́пкины (ЛЭ Дючи; ТН Ючи) как девичья фамилия;
- 3) Силкины (ЛЭ Бай; ТН Вай).

Отдельно необходимо отметить также фамилии лесных энцев Тухардской тундры, которые подвергались «оненечиванию» и в более ранний период — не в XX в., а уже начиная с XVIII в.:

- 1) *Па́льчины* (ЛЭ Чор; ТН Чор, Тёр букв. 'крик');
- 2) Лырмины (ЛЭ Моло; ТН Мало букв. 'волчья ягода', жен. Малой');
- 3) **Ямкины** (ТН *Ӈася́да*; жен. *Ӈася́ды*', *Ӈася́дэй*'); наиболее отражающей реальное произношение енисейских ненцев [ŋáʃəðɐ] можно считать запись *Ӈаша́за*.

По данным, полученным нами от информантки Пальчиной (в девичестве Ямкиной) Августы Ивановны (1959 г. р.), Ямкины также делятся на два родовых подразделения:

- а. *Неро Ӈорта* (*n¹ero ŋoərta* [n¹éro ŋórtɐ]) 'тальник едящий', букв. «тот, который ест тальник» (к этой группе относится и сама А. И. Пальчина) [Инф. ПАИ: аудио № 1, с. 1];
- б. Пэдара ' Нашаза [péderà' ŋáʃəðɐ] букв. 'лесной Нашаза'; второе название Пя вано ' Нашаза [pʲa wáno' ŋáʃəðɐ] букв. 'Нашаза корня дерева (Нашаза древесного корня)' [Инф. ПАИ: аудио № 1, с. 1].

4.4. Нганасанский язык (Нг) < северносамодийские < уральские

По нашим полевым данным, в настоящее время в Тухарде проживает всего одна женщина, которую жители Тухардской тундры считают «нганасанкой», однако пообщаться с ней лично и узнать, владеет ли она нганасанским языком и на каком уровне, нам не удалось. По данным социолингвистических интервью, в середине XX в. некоторые енисейские ненцы, маршруты которых доходили до Воронцовской тундры, могли знать отдельные слова и владеть нганасанским на бытовом уровне. См., например, сведения 3. В. Альковой (урожд. Лампай) о своей бабушке по материнской линии — Лырминой Александре Никаноровне (1922 г. р.):

[Инф. АЗВ:] «Ну, когда раньше, когда аргишили, наверно, попадались им эти, энцы, нганасане. Вот по той стороне Енисея ⟨на правом берегу Енисея⟩ же нганасане близко же. ⟨...⟩ Это она сказала: "Я ещё могу и на нганасанском разговаривать". В районе-то Воронцова-то, там, тундра-то тоже немаленькая, наверно, они далеко уходили, олень же не у берега же Воронцова, там, наверно, крутился, всё-таки вглубь уходили, и вот эти, усть-авамские ⟨нганасаны⟩ эти, может, подходили там, что она могла разговаривать. Но что, просто, может быть, она какие-то слова знала, необязательно же, что она весь язык знала» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 6];

[Инф. A3B:] «А у меня бабушка и на энецком могла разговаривать спокойно, вот на <u>нганасанском</u> ещё, да. $\langle ... \rangle$ Ну, когда раньше, когда аргишили, наверное, попадались энцы, эти нганасане... По той стороне Енисея же нганасане же близко вот это вот» [Инф. A3B: аудио № 2, с. 10];

[Инф. АЗВ:] «Она говорит: "Я могу и на нганасанском"». [Инт.:] «Но, как она на нганасанском говорит, Вы не слышали?» [Инф. АЗВ:] «Нет. Это он сказала: "Я ещё могу на <u>нганасанском</u> разговаривать"» [Инф. АЗВ: аудио № 3, с. 1].

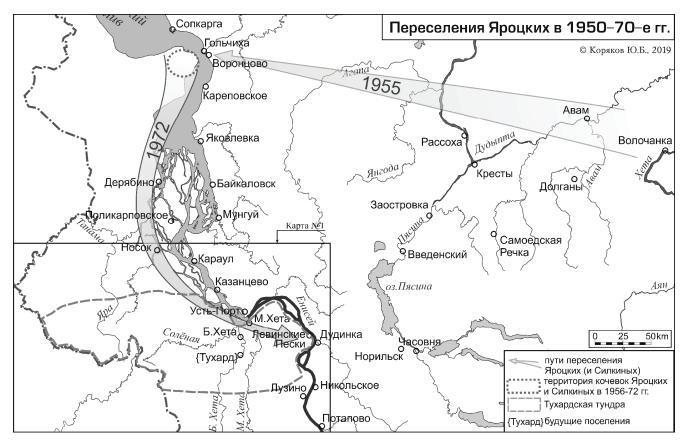
Отметим, что совсем немногие тухардские ненцы помнят и используют тундрово-ненецкое название для обозначения нганасан — *тавыс* NOM.PL [Терещенко 1965: 614]: нами были зафиксированы варианты произнесения [tewús?] и [tewús?].

4.5. Долганский язык (Д) < тюркские < алтайские

Потомками долган (TH *тунгос*" NOM.PL, [tongós?]/[tongús?]), осевшими в Тухардской тундре, являются представители фамилии *Яро́цкие* мужского пола, а также замужние женщины, носившие эту фамилию в девичестве. По данным социолингвистических интервью, все они являются потомками долганина Яроцкого Николая Савельевича (род. в конце XIX в.), род которого происходит «из Якутии».

По сведениям, полученным от наших информантов, его сын — Яроцкий Алексей Николаевич — прибыл в Воронцовскую тундру примерно в 1955 г. со стороны Усть-Авама или Волочанки с целью покупки домашних оленей и женился на представительнице тундрово-ненецкой этнической группы Ӈа́дэр Сю́нско ⁴⁴ / Шу́ньш(е)ку (Siunc ko [ʃún fo feskò] / [ʃún fo feskò]) Пимоновне (1938—2012), семья которой кочевала на левом берегу Енисея напротив Воронцова. Вместе с А. Н. Яроцким в эти места приехали также две его родных сестры и вскоре вышли замуж за тундровых энцев: Яроцкая Аграфена Николаевна — за Силкина Пуяку Бакуловича, Яроцкая Татьяна Николаевна — за Силкина Дёголя Бакуловича.

Эти три семьи: одна долганско-тундрово-ненецкая (Д-ТН) и две тундрово-энецко-долганские (ТЭ-Д) — были ближайшими соседями и проживали на одном стойбище, совместно выпасая оленьи стада и имея общие маршруты кочевок на левом берегу Енисея напротив Воронцова примерно с 1956 по 1972 г. (рис. 5). По сведениям, полученным от дочери А. Н. Яроцкого, от невестки П. Б. Силкина и от ряда других информантов, в 1972 г., после того как значительное количество их оленей отбилось от стада и ушло с дикими северными оленями («дикарями»), эти семьи (вместе с семьей тундрового энца Туглакова Касо Тануловича) были переселены («их перевели») в окрестности Ле́винских песков, где даже до сих пор сохраняется топоним Силкин Лайда [Инф. СГХ]; в окрестностях Ле́винских песков также проживали и занимались оленеводством другие долгане. В настоящее время потомки А. Н. Яроцкого и его родных сестер также в основном проживают в Тухардской тундре, но не владеют долганским языком.

Рис. 5. Пути переселения и места кочевок Яроцких и Силкиных в 1950—1970-е гг. Автор карты — Ю. Б. Коряков.

⁴⁴ См. об этом имени (правда, как о мужском) в работе Л. П. Ненянг: *Сюнско* 'самый младший' [Ненянг 1996: 58].

4.6. «Местные немцы»

30

Помимо представителей локальных этнических групп, являющихся «коренными» на территории Севера и Сибири, в XX в. в Тухардской тундре появилась еще одна — некоренная: она была представлена детьми и подростками из семей немцев Поволжья; их родители были репрессированы в довоенные годы, а сами дети, оставшись без родителей, были сосланы на Север. Жители Тухардской тундры обычно называют этих сосланных немецких детей, выросших в низовьях Енисея, и их потомков «местными немцами». Приведем здесь фрагмент из интервью с 3. В. Альковой (урожд. Лампай), в котором подробно говорится о «местных немцах»:

«Усть-портовские, местные немцы. ⟨...⟩ Это до войны, когда советская власть началась, была же... как этих вот, выгоняли. ⟨...⟩ Детей отбирали. ⟨...⟩ Родителей сади́ли... Куда там, в лагерь или куда? Детей собирали в кучу, вот на Север привозили. Здесь были и финны, и немцы. Вот. Сюда вот, на Север. Вот они репрессированные и были — дети немцев. Они здесь выросли. Потом... Ближе, наверное, вот эти немцы к немцам сходились, что они все в куче были» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 5].

Сам немецкий язык не вошел полноценно в состав «языковой мозаики» Тухардской тундры: эти дети и подростки, родным языком которых был немецкий, освоили русский на высоком уровне, а некоторые из них (хотя и единицы) — даже тундровый ненецкий. Так, «местный немец» Пётр Фильберт владел родным немецким языком и вторым русским, а также в какой-то степени освоил и тундровый ненецкий (так как в молодости он работал бригадиром рыболовецкой бригады, в которой в основном было задействовано коренное население) и, кроме того, уже будучи во взрослом возрасте, побуждал и мотивировал ненецких детей говорить на их родном языке:

[Инф. АЗВ:] «Он (Пётр Фильберт) <u>чисто на русском разговаривал</u>. Вот, ну, как, наверное, как мы щас (сейчас) разговариваем на русском и на своём ненецком примерно. Он так же <u>разговаривал чисто на русском</u>. И <u>чисто</u> на своём, <u>на немецком</u>, <u>мог разговаривать</u> сколько угодно».

[Инт.]: «А ненецкий он не знал?»

[Инф. АЗВ:] «Знал, знал. ⟨...⟩ Он даже разговаривал. Он такой был дедок, который любил разговаривать. Когда уже старый стал, он с интернатовскими детьми всегда по-нене́цки разговаривал: "Разговаривайте на своём языке, на своём языке!" ⟨Смеется.⟩ Тоже сторонник был, чтобы не забывали свой язык: "Учите свой язык, разговаривайте на своём языке!". Чтоб не забыли. Тоже вот такой сторонник был. ⟨...⟩ Это он просто с ненцами работал — он сам. ⟨...⟩ Просто у него бригада, получается же, местные были. И с ним как бы, наверное, сидят же, чего вечером будет сидеть слушать, может, его рассуждают, вот и учил. Маты все знал. Это сто процентов» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 5] (отметим здесь мотивацию в изучении языка — «знать то плохое, что о тебе говорят»).

Отметим, однако, что, по словам наших информантов, некоторые коренные жители Тухардской тундры старшего поколения также могли выучить и запомнить некоторые отдельные слова на немецком, но не более того. Так, Каярина Раиса Васильевна (1981 г. р.) свидетельствует о таком знании некоторых немецких слов своим отцом — Каяриным Василием Прокопьевичем (1939 г. р.): «Ну, где-то некоторые слова немецкие. ⟨…⟩ Так как раньше… отправляли вот этих немцев, которые в посёлке. В Усть-Порту много немцев было, когда он маленький был, он рассказывал. Они по-не… по… на своём ⟨на немецком⟩ говорили. Он говорит: "Я запоминал". Вот, шо-то ⟨что-то⟩ знает, немецкий язык знает немножко. Какие-то слова. ⟨…⟩ Какие-то слова он, да, начинает говорить» [Инф. КРВ: аудио № 1, с. 8].

4.7. Что касается эвенков, то в ходе проведенных ретроспективных социолингвистических интервью нами не было обнаружено данных об их присутствии на территории Тухардской тундры в ХХ в., при этом для обозначения эвенков на тундровом ненецком языке нашими информантами используются словосочетания *сяд* "*падвы*" и *ся* "*падвы тунгос*" (NOM.PL) букв. 'лица пестрые' и 'пестролицые тунгусы', что связано с бывшим ранее в ходу эвенкийским обычаем наносить татуировки на лица. Данные словосочетания помнит и употребляет очень небольшое количество опрошенных нами информантов (не более десяти).

5. «Большой переход на ненецкий»: динамика утраты многоязычия в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в нижнем течении Енисея (II пол. XX в. — нач. XXI в.)

Как пример того материала, который нам удалось собрать методом социолингвистических интервью с расширенным ретроспективным компонентом, мы приведем здесь те данные, которые были получены

нами о функционировании тундрово-ненецкого—тундрово-энецкого—долганского (ТН-ТЭ-Д) многоязычия в следующих смешанных семьях, проживавших совместно на одном стойбище, а также о постепенной утрате многоязычия ("small-scale multilingualism" ⁴⁵) и «большом переходе» на тундровый ненецкий язык в семьях потомков этих смешанных браков ⁴⁶:

- 1) долганско—тундрово-ненецкая (Д—ТН) семья Яроцкого Алексея Николаевича (Д)⁴⁷ и его жены Ӈа́дэр (в девичестве) Сю́нско / Шу́ньш(е)ку (S'unc°ko [ʃúnj³ʃəkờ] / [ʃúnj³t͡cəkờ]) Пимоновны (ТН);
- 2) тундрово-энецкая–долганская (ТЭ–Д) семья Силкина Пуяку Бакуловича (ТЭ)⁴⁸ и его жены Яроцкой (в девичестве) Аграфены Николаевны (Д);
- 3) тундрово-энецкая—долганская (ТЭ–Д) семья Силкина Дёголя Бакуловича (ТЭ*) и его жены Яроцкой (в девичестве) Татьяны Николаевны (Д);
- 4) тундрово-энецкая—тундрово-ненецкая (ТЭ–ТН) семья Туглакова Ка́со Тануловича (ТЭ) и его жены Яндо (в девичестве) Сэрне Уртомовны (ТН).

Несмотря на одинаковое отчество Пуяку и Дёголя (Бакуловичи), они не являются родными братьями: Дёголь — племянник Пуяку Бакуловича, сын его сестры и тундрового ненца из рода Яптунэ. Отчество «Бакулович» Дёголь носил по имени своего деда по материнской линии (Силкина Бакула), на стойбище которого он жил и воспитывался. По этой причине здесь и далее мы обозначаем «этническую принадлежность» Дёголя Силкина как ТЭ* (со «звездочкой»).

В данной статье мы подробно останавливаемся на социолингвистических сведениях о многоязычии в трех первых смешанных семьях из указанных выше, т. к. основными информантами, от которых мы получили эти данные, стали в первую очередь следующие жительницы Тухардской тундры:

1) Силкина (урожд. Яптунэ́) Галина Хольчовна (1950 г. р., далее СГХ) — жена покойного Силкина Юрия Пуяковича 1950 г. р., сына тундрового энца Силкина Пуяку Бакуловича (ТЭ) и долганки Яроцкой (в девичестве) Аграфены Николаевны (Д);

Галина Хольчовна (см. рис. 6) — родом из тундровоненецкой семьи: дочь ТН Яптунэ Хольчо Тыевича (1905 г. р. (?), был «батраком» у Силкина Бакула) и ТН Яднэ (Ядне) Эко (ум. в 1964 г.); детство Галины Хольчовны прошло в Мунгуйской тундре (на р. Агапа);

- 2) Яптунэ́ (урожд. Яроцкая) Раиса Алексеевна (1964 г. р., далее ЯРА) дочь долганина Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и представительницы локальной группы тундровых ненцев Ӈа́дэр (в девичестве) Сю́нско/Шу́ньш(е)ку [ʃúnj³ʃəkò]/[ʃúnj³teəkò] Пимоновны (ТН);
- 3) Кузнецова (урожд. Яроцкая) Екатерина Андреевна (1983 г. р., далее КЕА) внучка долганина Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Ӈа́дэр (в девичестве) Сю́нско [ʃúnյ³ʃəkʊ] / [ʃúnյ²feəkʊ] Пимоновны (ТН), дочь Яроцкого Андрея Алексеевича (1957—2000 гг.), племянница Раисы Алексеевны (ЯРА).

Рис. 6. Информант Силкина (урожд. Яптунэ) Галина Хольчовна (1950 г. р.). Тухард, начало декабря 2017 г. Фото автора.

⁴⁵ "Small-scale multilingualism" — это термин, который с недавних пор используется для обозначения ситуации многоязычия территорий, где рядом живут небольшие этнические группы (численность которых обычно составляет нескольких тысяч человек), каждая из которых говорит на своем языке. Подробнее об особенностях именно такого типа многоязычия и его разновидностях см. в работе [Lüpke 2016].

 $^{^{46}}$ В этой статье мы не рассматриваем дальнейший языковой сдвиг ("language shift") — от тундрового ненецкого языка к русскому.

⁴⁷ Здесь и далее таким образом в круглых скобках указывается так называемая «этническая принадлежность» человека.

⁴⁸ Отец Пуяку Силкина — ТЭ Силкин Бакула; мать Пуяку Силкина — ТЭ с девичьей фамилией Мирных.

5.1. Первый этап: ІІ пол. 1950-х гг. — ІІ пол. 1970-х гг. Общение супругов,

- у которых родные языки разные, между собой, с родственниками друг друга
- в условиях проживания на одном стойбище и со своими детьми

Напомним, что данные три семьи: одна долганско-тундрово-ненецкая (Д-ТН) и две тундровоэнецко-долганские (ТЭ-Д) — были ближайшими соседями и проживали на одном стойбище, совместно выпасая оленьи стада и имея общие маршруты кочевок на левом берегу Енисея напротив Воронцова примерно с 1956 по 1972 г. В 1972 г., после того как значительное количество их оленей отбилось от стада и ушло с дикими северными оленями («дикарями»), эти семьи (вместе с семьей тундрового энца Туглакова Касо Тануловича) были вынуждены переселиться в окрестности Ле́винских песков (см. рис. 5); в окрестностях Ле́винских песков также проживали и занимались оленеводством другие долгане.

5.1.1. Языки общения между супругами в смешанных браках

По данным социолингвистических интервью, в рассматриваемых здесь тундрово-энецко-долганских семьях (ТЭ–Д): 1) Пуяку Бакуловича (ТЭ) и Аграфены Николаевны (Д) и 2) Дёголя Бакуловича (ТЭ*) и Татьяны Николаевны (Д) — бытовое общение между супругами чаще всего шло на тундровом ненецком языке (ТН), но могло осуществляться также и на тундровом энецком (ТЭ), особенно при родственниках со стороны Силкиных (ТЭ)⁴⁹. При этом мужья-энцы, возможно, могли «слышать», т. е. немного понимать речь своих жен, разговаривающих между собой на долганском языке, но сами не говорили по-долгански.

1) О языках общения в семье Силкина Пуяку Бакуловича (ТЭ) и Аграфены Николаевны (Д):

[Инф. СГХ:] «Бабка (свекровь СГХ, Аграфена Николаевна) молчаливая была».

[Интервьюер:] «Но Вы с ней только по-ненецки говорили?»

[Инф. СГХ:] «Ага».

[Интервьюер:] «А по-ненецки она вообще хорошо говорила?»

[Инф. СГХ:] «Хорошо».

[Интервьюер:] «А как же она так быстро язык выучила?»

[Инф. СГХ:] «Не знаю. Раньше же они в Воронцове вместе вон, люди сообщались, понимали».

[Интервьюер:] «А Аграфена Николаевна <u>по-энецки</u> тоже говорила?»

[Инф. СГХ:] «Говорила».

[Интервьюер:] «С Пуяку, да?»

[Инф. СГХ:] «Ага. Со своими (с мужем и родственниками мужа)».

[Интервьюер:] «А Пуяку <u>по-долгански</u> тоже говорил?»

[Инф. СГХ:] «Hea. He». $\langle ... \rangle$

[Интервьюер:] «A между собой они как общались, Aграфена Николаевна и Пуяку Бакулович?»

[Инф. СГХ:] «По-ненецки. По-ненецки».

2) О языках общения в семье Силкина Дёголя Бакуловича (ТЭ*) и Татьяны Николаевны (Д):

[Интервьюер:] «А Дёголя Бакулович с Татьяной Николаевной как между собой говорили, на каком языке?» [Инф. СГХ:] «Тоже. <u>Мандо вада́р</u> (ТН manto wada- r° 'тундровый_энец язык-NOM.SG.POSS2SG', букв. 'тундровый энецкий язык-твой'). <u>По-эне́цки</u>. И <u>по-нене́цки</u>. Де́голь-старик говорил.

[Интервьюер:] «Дёголь Бакулович и мандо вадавна $\langle$ TH manto wada-w°na 'тундровый_энец язык-PROL.SG', букв. 'на тундровом энецком языке' $\rangle$ мог говорить, и ненэй вадавна $\langle$ TH n/enej° wada-w°na 'настоящий (тундровый ненецкий) язык-PROL.SG', букв. 'на настоящем (тундровом ненецком) языке' $\rangle$ »?

[Инф. СГХ:] «Ага».

[Интервьюер:] «А по-долгански он мог говорить?»

[Инф. СГХ:] «Наверно, слышал».

3) Что касается долганско-тундрово-ненецкой (Д-ТН) семьи Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюнско [ʃúnj³feskò] / [ʃúnj³feskò] Пимоновны (ТН), то бытовое общение между супругами в основном шло на тундровом ненецком языке, но могло осуществляться и на долганском, что подкреплялось совместным проживанием этой семьи на одном стойбище с двумя долганскими женщинами — сестрами Алексея Николаевича:

⁴⁹ По экспедиционным данным А. Б. Шлуинского, Яндо (в девичестве) Сэрне Уртомовна (ТН), жена тундрового энца Туглакова Ка́со Тануловича (ТЭ), также владела не только родным тундровым ненецким языком, но и тундровым энецким, родным языком своего мужа, и даже была компетентной информанткой по тундровому энецкому. Благодарим А. Б. Шлуинского за предоставление данной информации.

[Инф. КЕА:] «Она $\langle$ Сюнско Пимоновна, бабушка по отцовской линии $\rangle$ знает долганский. Ну она наполовину, так: половину — долганский, половину — ненецкий» [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 3];

[Инф. КЕА:] *«Он* ⟨Яроцкий Алексей Николаевич, дедушка по отцовской линии⟩ *наполовину по-долгански разговаривал, наполовину по-ненецки»* [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 4].

5.1.2. Языки общения супругов с родственниками друг друга в условиях проживания на одном стойбище

Интересным фактом, который отметили наши респондентки, стала взаимная мотивированность женщин, состоящих в отношениях свойства (так, Аграфена Николаевна и Татьяна Николаевна приходятся золовками Сюнско Пимоновне) и проживающих на одном стойбище, в овладении родными языками друг друга: в условиях ведения совместного хозяйства при частом отсутствии мужей, работающих «в стаде», понимать речь друг друга в «женском коллективе» было необходимо. Отметим, что дочь Сюнско Пимоновны (ЯРА) однозначно воспринимает эту мотивацию как доминирующую и даже считает ее значимее мотивации в овладении языком мужа:

[Интервьюер:] «То есть Ваша мама (Сюнско Пимоновна), у нее родной язык — ненецкий, да?»

[Инф. ЯРА:] «Угу».

[Интервьюер:] «Кроме этого она могла говорить по-долгански, да?»

[Инф. ЯРА:] «По-долгански».

[Интервьюер:] «Потому что муж, ну, отец Ваш (А. Н. Яроцкий), был долганин, да?»

[Инф. ЯРА:] «Угу».

[Интервьюер:] «Но она с ним часто говорила по-долгански, как?»

[Инф. ЯРА:] «*Ну, если у него сёстры тоже долгане, она как-то всё равно выучила этот долганский язык*».

[Интервьюер:] «Выучила долганский язык?»

[Инф. ЯРА:] «Когда его... куда-то он уезжает, наверно, она с ними общалась, с его сёстрами. Они же все жили вместе».

Эту же мотивацию информант ЯРА усматривает и в обратной ситуации, в том, что Аграфена Николаевна (Д) и Татьяна Николаевна (Д), будучи замужем за тундровыми энцами Силкиными, овладели также и тундровым ненецким языком — родным языком жены своего брата:

[Инф. ЯРА:] «Ну вот, мама же (Сюнско Пимоновна) ненка. Надо же было с мамой (моей) как-то разговаривать. Вот они поэтому на ненецкий и перешли».

Аналогичная мотивация в овладении родным языком других людей, с которыми осуществляется совместная хозяйственная деятельность, наблюдается не только внутри «женских коллективов» на одном стойбище, но и внутри «мужских коллективов» — оленеводов, занятых совместной работой «в стаде», когда нужно быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию и однозначно понимать, о каком именно олене идет речь (во время поимки определенных оленей арканом). Так, наша информантка СГХ отмечает, что ее муж Силкин Юрий Пуякович, сын тундрового энца Пуяку Бакуловича и долганки Аграфены Николаевны, понимал («слышал») речь долган, вместе с которыми ему приходилось работать «в стаде»:

[Инф. $C\Gamma X$:] «Вот Юра $\langle ... \rangle$, в Левинске $\langle$ в Левинских Песках $\rangle$ когда работали, среди этих, долган, он <u>слышал</u>, что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят».

5.1.3. Языки общения родителей с детьми в смешанных семьях

Общей чертой, характерной для функционирования многоязычия в трех рассматриваемых нами семьях, можно считать сознательное языковое дистанцирование родителей от детей — намеренное использование долганского (в большей степени) и тундрового энецкого (в меньшей степени ввиду того, что ТН и ТЭ — близкородственные, относительно взаимопонятные языки) как «языков для взрослых», своего рода «тайных языков». Основное общение родителей с детьми как в двух рассматриваемых тундрово-энецко—долганских (ТЭ–Д) семьях, так и в одной долганско—тундрово-ненецкой (Д–ТН) семье шло на тундровом ненецком языке (ввиду доминирующего ненецкого населения на указанной территории), который стал основным языком для детей в этих смешанных браках.

В долганско-тундрово-ненецкой (Д-ТН) семье Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюнско Пимоновны (ТН) только старшие сыновья (в первую очередь Яроцкий Прокопий Алексеевич) могли пони-

мать и говорить по-долгански, младшие же дети (в частности, наша респондентка Раиса Алексеевна, ЯРА) совсем не понимают долганскую речь. Так, ярким примером, подтверждающим факт использования долганского языка как «тайного языка» для общения взрослых в этой семье, может служить следующее высказывание Раисы Алексеевны, дочери Яроцкого Алексея Николаевича (Д) и Сюнско Пимоновны (ТН), родным языком которой является тундровый ненецкий (ТН):

[Инф. ЯРА:] «Она (моя мать (ТН)) выучила энецкий язык, она с ними по-энецки разговаривала. Когда что-то тайное от детей надо сказать, она могла и по-долгански говорить. (Смеется.) У ней же муж (мой отец (Д)) был долганин, Яроцкий. И мы поэтому ничего не знали, они всё тайное говорили на другом языке. На энецком и на долганском. У этих мамы — долгане, у Силкиных, они — по-долгански. Старшие, вот эти братья наши, могли по-долгански говорить, а мы, младшие, никогда ничё (ничего) не понимали. Поэтому они всё тайно, тайное всё говорили на другом языке. И мы никогда не знали, что плохое происходит, кто там кого чего... И для нас вот эти вот братья, они были всегда хорошими, потому что они никогда плохое нам не говорили. То, что плохое, они могли на другом языке только со взрослыми, так вот пообщаться».

Именно это сознательное «языковое дистанцирование» родителей от своих детей в смешанных семьях: намеренное использование «недоминантных» языков как «тайных языков» для взрослых, а «доминантного» тундрового ненецкого языка для общения с детьми — стало важным фактором в процессе утраты многоязычия ("small-scale multilingualism") и «большом переходе на ненецкий» (о двуязычии, переключении кодов, практиках сокрытия и «тайных языках» среди носителей другого уральского языка — вепсского — см. в работах Л. Сирагузы [Siragusa 2017; Сирагуза 2018]).

5.2. Второй этап: первое поколение от смешанного тундрово-энецко-долганского (ТЭ-Д) брака

Двоюродные братья (сыновья в двух тундрово-энецко—долганских семьях) Силкин Юрий Пуякович и Силкин Роман Деголевич могли до самой смерти Юрия Пуяковича общаться между собой не только на тундровом ненецком (как с большинством жителей Тухардской тундры), но и на тундровом энецком, но не на долганском. См. об этом свидетельство жены Силкина Юрия Пуяковича — Галины Хольчовны: [Инф. СГХ:] «Вот Роман (Силкин Роман Деголевич), когда у меня муж живой был, они всё время говорили. (...) Они всё время по-своему (на тундровом энецком) говорили, пока брат (двоюродный брат) вот этот был. (...) Они-то между собой всё время по-своему говорили, по-энецкои».

Однако, по свидетельству Галины Хольчовны, ее муж Силкин Юрий Пуякович также «слышал» долганскую речь, т. е. понимал по-долгански, и даже, возможно, мог немного говорить на этом языке: [Инф. СГХ:] «Вот Юра \(\lambda \ldots \rangle \), в Левинске \(\begin{align*} \text{в Девинских Песках} \rangle \text{когда работали} \(\begin{align*} \text{в оленеводческой бригаде} \), среди этих, долган, он слышал, что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят. \(\ldots \ldots \rangle \text{Он, кажется, ещё, по-моему, говорил, с этими долганами} \text{...} \(\text{ Когда здесь в Левинске были, \(\ldots \ldots \rangle \text{одни долганы были} \rangle^50.} \)

Со своей женой — Галиной Хольчовной (в девичестве Яптунэ́), родным языком которой является тундровый ненецкий (она происходит из семьи, где оба родителя — тундровые ненцы), — Силкин Юрий Пуякович общался на ненецком (ТН), однако, по утверждению Галины Хольчовны, она «слышала», т. е. понимала, когда муж разговаривал с Силкиным Романом Деголевичем на родственном тундровом энецком (ТЭ), но сама не говорила на нем.

Попутно отметим здесь также, что, по словам Галины Хольчовны (СГХ), она могла понимать не только разговор на тундровом энецком, которым в некоторой степени владел ее муж, но и на лесном энецком (однако не ясно, с кем именно она общалась на нем). Интерес представляет то, как Галина Хольчовна воспринимает разницу в произношении слов на трех родственных идиомах — родном тундровом ненецком (TH), тундровом энецком (TH) и лесном энецком (TH):

- 1) отличия между ТН и ТЭ она воспринимает как разницу в «ударении» (однако не совсем ясно, что именно вкладывается ею в это понятие) [Инф. СГХ:] «Понимаю $\langle$ ТЭ $\rangle$ », но ударение не туда падает. Не свой же язык. Слышать слышу. Ага, ма́ндо ва́да $\langle$ ТЭ $\rangle$ »;
- 2) произношение слов в ЛЭ она склонна воспринимать как более протяжное, чем в TH^{51} , [Инф. СГХ:] «А этот пя вай $\langle ЛЭ \rangle$ вытягивается как будто. Вытягивается слова ^{52} . $\langle ... \rangle$ Вытягивается как будто».

⁵⁰ См. выше (п. 5.1.2.) о мотивированности в изучении языка для ведения совместной хозяйственной деятельности.

⁵¹ Однако, по замечанию А. Б. Шлуинского, обычно более «протяжным», т. е. в большей степени сохраняющим большее количество гласных, считается не лесной энецкий, а тундровый энецкий.

 $^{^{52}}$ Здесь зафиксировано рассогласование по числу, характерное для речи Силкиной Галины Хольчовны на русском языке.

5.3. Третий этап: второе поколение от смешанного тундрово-энецко-долганского (ТЭ–Д) брака, первое поколение от смешанного тундрово-энецко-тундрово-ненецкого (ТЭ–ТН) брака

В этой части мы остановимся на том, как проходило общение в семье Силкина Юрия Пуяковича, потомка от смешанного тундрово-энецко-долганского (ТЭ–Д) брака, и Галины Хольчовны (ТН).

5.3.1. Родной язык и идентичность: «свой язык» детей в смешанных семьях

Как уже упоминалось выше, Юрий Пуякович общался с женой на тундровом ненецком, но также мог говорить и на тундровом энецком — в первую очередь со своим родственником (двоюродным братом) Романом Деголевичем и со своим отцом Пуяку Бакуловичем. При этом со своими детьми Юрий Пуякович говорил на тундровом ненецком, но они также могли слышать, как отец говорил по-энецки (ТЭ) с другими людьми, и понимать отдельные слова, особенно это касается старших детей, в первую очередь старшего сына — Силкина Николая (Баку́ла) Юрьевича (1972 г. р.). О том, что дети Юрия Пуяковича слышали, как отец говорил не только на ненецком (ТН), но и на тундровом энецком (ТЭ), свидетельствует также тот факт, что они в шутку называли отца словами *«интернационал»* и *«иностранец»*. Ср. об этом отрывок из интервью с информанткой Силкиной Галиной Хольчовной:

[Интервьюер:] «А Вы с Юрием Пуяковичем между собой как обычно говорили?»
[Инф. СГХ:] «По-нене́цки».
[Интервьюер:] «А с детьми?»
[Инф. СГХ:] «С детьми тоже — по-нене́цки. Поэтому они свой язык не знают».
[Интервьюер:] «А Юрий Пуякович какие-то отдельные слова им говорил, нет? По-энецки?»
[Инф. СГХ:] «Конечно, говорил. Я говорю, стариий слышит, так-то, тоже».
[Интервьюер:] «Но они что-то могут понимать, дети Ваши, если по-энецки говорят?»

[Инф. СГХ:] «Конечно, будут. Маленькие-то, не знаю, сколько понимают. Коля понимает вот» [Инф. СГХ: аудио № 3, с. 2].

В этой цитате из интервью с Галиной Хольчовной можно отметить одну интересную деталь: фраза «свой язык не знают» свидетельствует о том, что «своим языком» детей Галина Хольчовна называет не тундровый ненецкий, который является для них и для нее самой родным и на котором велось все общение с детьми (и между родителями) в семье, а тундровый энецкий — родной язык деда своих детей по отцовской линии (Пуяку Бакуловича). Здесь можно усмотреть традиционную установку считать, что язык, как и этничность, «наследуется», «передается» по мужской линии (от отца, а не от матери к детям), поэтому и сам Юрий Пуякович считается тундровым энцем (хотя его мать — долганка), и его дети (от смешанного брака с Галиной Хольчовной, представительницей локальной группы тундровых ненцев) также считаются тундровыми энцами (мандо). При этом их «своим языком» должен считаться не родной для них тундровый ненецкий (ТН), а тундровый энецкий (мандо вада), которым они при этом не владеют.

Однако факт незнания детьми «своего языка» и представление о том, что тундровый энец (мандо) должен говорить на тундровом энецком (мандо вада), накладывает свой отпечаток на восприятие Галиной Хольчовной этнической идентичности своих детей: [Инф. СГХ:] «Тогда же как попало писали. И то у меня вот дети — энцы. Пишется один Юра, Юрий Юрьевич, энец. Остальные ненцами пишутся. Один Юрий Юрьевич сейчас есть в тундре, вверху. Какой энец?! "Áпы" [ápi] ⁵³ ⟨ТЭ аba 'мама'⟩ не знает по-эне́цки» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 16].

5.3.2. Термины родства и тундрово-энецкие «ярлыки»

Наглядной иллюстрацией того, как происходило живое языковое общение в смешанной (ТЭ–ТН) семье Юрия Пуяковича и Галины Хольчовны, когда не все их дети еще вышли из подросткового возраста, стал анализ функционирования терминов родства, употреблявшихся членами этой семьи в повседневной коммуникации. Простой опрос типа «как будет по-ненецки 'отец', как будет 'мать' и т. д.» сразу же показал, что Галина Хольчовна называет не только тундрово-ненецкие термины родства, но наряду с ними и даже зачастую в первую очередь — тундрово-энецкие, при этом сразу приводя контексты-клише, в которых энецкие термины родства функционировали в их с мужем семье.

⁵³ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе "LingvoDoc" (http://lingvodoc.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view): abaa, aba 'мать; старшая сестра; тетя (женщина в функции матери)'.

```
5.3.2.1. 'Отец', 'папа'
```

При ответе на вопрос, каким словом выражается понятие 'отец' ('папа'), Галина Хольчовна приводит в первую очередь тундрово-энецкое слово aja 'папа' ^{54} и лишь затем поясняет, как это понятие выражается на тундровом ненецком языке (TH [átcɪ] 'папа'; TH [n̄л̄siár] $n\bar{\imath}$ і́тізіа-r° 'отец-NOM.SG.POSS2SG', 'отец-твой'), при этом противопоставляя, как будет «у нас по-энецки», ставя себя таким образом на «энецкую сторону». Отец детей Галины Хольчовны — тундровый энец, поэтому и слово для обозначения отца в их семье использовалось именно тундрово-энецкое, а не ненецкое (причем как самими детьми, так и их матерью, родной язык которой — TH).

```
[Интервьюер:] «Как будет 'отец'?»
     [Инф. СГХ:] «\it Aja \langle ТЭ\rangle. По-эне́цки — \it aja. Ненэй вадавна ^{55} — [\it atence items] \langle ТН\rangle или [\it nt is iar] \langle ТН \it nt is iar] \langle ТН\dot nt is iar] \langle ТН\dot nt is iar] \langle ТН\dot nt is iar.
NOM.SG.POSS2SG', 'отец-твой'). \langle ... \rangle A у нас по-эне́цки — это аја».
     [Интервьюер:] «И Ваши дети так говорили?»
     [Инф. C\Gamma X:] «Так говорили — aja».
     [Интервьюер:] «А Вы про своего мужа обычно как говорили?»
     [Инф. СГХ:] [ajár<sup>j</sup>ıŋe
                                                  pærtcetíwe?]
                                                  pæ°r-c<sup>j</sup>°ti-wa?
                       aja-r<sup>j</sup>i-ŋe°
                       'папа ТЭ'-LIM-ESS
                                                   'звать, называть'-HAB-IND.PRES/AOR.OBJ(SG).1PL
                       'Только аја \langleТЭ\rangle мы называли'.
     [ajár
                                          to]
     aia-r°
                                          to^{\circ}
     'папа ТЭ'-NOM.SG.POSS2SG 'прийти/приехать'.IND.PRES/AOR.SUB.3SG
     'Твой аја (ТЭ) пришел/приехал'.
```

Особо отметим, что эти два предложения произносятся на тундровом ненецком языке, за исключением слова aja 'папа', которое звучит на тундровом энецком. Последнее предложение может быть также проинтерпретировано как целиком звучащее на тундровом энецком (с идентичными глоссами), правда, немного фонетически искаженном.

5.3.2.2. 'Дед, дедушка'

Аналогично при ответе на вопрос, каким словом выражается понятие 'дед, дедушка', Галина Хольчовна также вначале приводит не ненецкое ($TH\ jir'i$), а энецкое (TЭ) существительное. Это объясняется тем, что дедушкой, с которым жили вместе на одном стойбище дети Юрия Пуяковича и Галины Хольчовны и к которому часто обращались, был тундровый энец (M делу Силкин Пуяку Бакулович, и обращение к нему на его родном языке было поэтому закономерным.

При этом, возможно, Галина Хольчовна не всегда различает между собой тундрово-энецкие слова еѕе 'отец' и іѕе 'дед, дедушка' ⁵⁶, потому что в их семье оба эти слова могли употребляться по отношению к одному человеку — Пуяку Бакуловичу: так, Юрий Пуякович мог называть его и еѕе 'отец' (т. к. Пуяку Бакулович — его отец), и іѕе 'дед, дедушка' (т. к. Пуяку Бакулович — дедушка его детей). В любом случае здесь также прослеживается тенденция к превращению этих тундрово-энецких терминов родства в «ярлыки» для обозначения одного конкретного человека.

```
[Инф. СГХ:] «Вот, например, Пуяку-старику говорим — [esér] \langle ТЭ ese-r^{\circ} 'отец'- NOM.SG.POSS2SG'\rangle, manto wadaw°na<sup>57</sup>, [esi] \langle ТЭ\rangle. Значит, [nʲīsʲár] \langle ТН nʲīsʲa-r^{\circ} 'отец-NOM.SG.POSS2SG', 'отец-твой'\rangle, [nʲīsʲa] \langle ТН nʲīsʲa 'отец'\rangle. Старик — [esi] \langle ТЭ\rangle». [Интервьюер:] «Это кто так к кому обращался?» [Инф. СГХ:] «Уже, когда чай пить, говорим: "Позови [esér] \langle ТЭ ese-r^{\circ} 'отец'-NOM.SG.POSS2SG'\rangle, деда"». [Интервьюер:] «Это Вы про Пуяку Бакуловича говорили?» [Инф. СГХ:] «Ага, Пуяку Бакуловича».
```

⁵⁴ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе "LingvoDoc": *aja* 'папа'.

 $^{^{55}}$ Ненэй вадавна (n'enej° wada-w°na) 'настоящий (тундровый ненецкий) язык-PROL.SG', букв. 'на настоящем (тундровом ненецком) языке'.

⁵⁶ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе "LingvoDoc" (ссылка на него была приведена выше): *ese* 'отец', *ise* 'дед'.

⁵⁷ Manto wada-w°na 'тундровый энец язык-PROL.SG', букв. 'на тундровом энецком языке'.

```
[Интервьюер:] «Это Вы детям так говорили?»
    [Инф. СГХ:] «Ага».
    [Интервьюер:] «А как Вы говорили?»
    [Инф. СГХ:] [esér
                                                                           t<sup>j</sup>i]
                                                 XOS
                                                 xo-?
                                                                           t^{j}i
                   'отец ТЭ'-NOM.SG.POSS2SG 'найти'-IMP.SUB.2SG
                                                                           'вот'
                   'Твоего ese (ТЭ) найди! Вот'.
    [Инф. СГХ:] «У меня дети будут так путались. На разные языки».
    [Интервьюер:] «А Вы не могли им сказать jir^jir^o xo? (ТН 'деда-твоего найди')?»
    [Инф. СГХ:] «Тоже можно. И пошли бы они (звать дедушку)».
    [Интервьюер:] «A если бы Bаш муж говорил эту фразу, он бы как сказал?»
    [Инф. СГХ:] «Тоже так же: [jirifr xos] \langle \text{TH } jir^ji-r^\circ xo-2 \rangle (деда-твоего найди'). Или [esér] \langle \text{T} \mathcal{F} \rangle езе-r^\circ
'отец'-NOM.SG.POSS2SG'\».
```

Таким образом, мы видим, что всеми членами семьи (как родителями, так и детьми) могло употребляться как тундрово-энецкое, так и тундрово-ненецкое существительное для обозначения дедушкиэнца (ТЭ).

5.3.2.3. 'Мать', 'мама'

При ответе на вопрос, каким словом выражается понятие 'мать' ('мама'), Галина Хольчовна также вначале приводит не ненецкие TH *ата* 'мама' и TH *niebia* 'мать', а энецкое (TЭ) существительное aba^{58} . При этом она отмечает, что дети называли ее только «по-своему» — только энецким (TЭ) словом.

Кроме того, маленькая внучка Галины Хольчовны (дочь ее дочери) также, услышав, как называет бабушку ее мать (*aba* 'мама'), стала называть бабушку этим словом. Таким образом, тундрово-энецкое существительное *aba* в сознании внучки Галины Хольчовны и Юрия Пуяковича уже не имеет значения 'мама', а является своего рода «ярлыком» для обозначения именно Галины Хольчовны.

```
[Интервьюер:] «А как мы скажем 'мать'?»
[Инф. СГХ:] «Ну, aba ⟨ТЭ⟩. Это по-эне́цки. А так скажут — [niebiár] ⟨ТН niebia-r° 'мать-NOM.SG.POSS2SG', 'мать-твоя') или [ámɐ] ⟨ТН ата 'мама')».
[Интервьюер:] «А Вас дети как называли?»
[Инф. СГХ:] «Ава. По-своему ⟨на тундровом энецком⟩. Они никогда не скажут "ата" ⟨ТН⟩, "мама"
```

[Инф. СГХ:] «*Aba*. По-своему (на тундровом энецком). Они никогда не скажут "ama" (ТН), "мама" (рус.) или чё-нибудь (что-нибудь). Они всё время — *aba*. Вот внучка Юлина (внучка СГХ, дочь Юлии) поэтому говорит. Она слышит это... мать, Юлю, вот и поэтому *aba* говорит. (...) Сейчас вот этот Юлин внучка ⁵⁹ говорит "бабка" — *aba*. (...) Если *aba* говорит — значит, меня говорит (зовет)».

5.3.2.4. 'Свекровь', 'теща'

Еще одним тундрово-энецким термином родства, который при опросе назвала нам Галина Хольчовна, стало существительное [menⁱo] (ТЭ), служащее, по ее мнению, для обозначения понятий 'свекровь' и 'теща'. В тундрово-энецком аудиословаре О. В. Ханиной это слово зафиксировано в значении 'старуха' в разных произносительных вариантах: [menⁱeʔə], [menⁱeʔə], [menⁱeʔə] и [menⁱə]. Возможно, что память об этом энецком (ТЭ) термине родства сохранилась у Галины Хольчовны из-за того, что это слово употреблялось в семье ее мужа по отношению к старшим женщинам, старшим родственницам «с энецкой стороны».

Таким образом, в ходе опроса была выявлена тенденция к превращению тундрово-энецких терминов родства в смешанных (ТЭ–ТН) семьях в своего рода «ярлыки» для обозначения одного конкретного человека и к прекращению использования этих существительных для обозначения понятий, для номинации определенной группы лиц. По нашим данным, начало действия этой тенденции приходится на конец 1970-х гг. Об употреблении рассмотренных выше тундрово-энецких терминов родства, являющихся своего рода «ярлыками» для обозначения конкретных людей, см. также в [Амелина 2019: 39—41].

⁵⁸ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе "LingvoDoc" (ссылка на него была приведена выше): *abaa*, *aba* 'мать; старшая сестра; тетя (женщина в функции матери)'.

 $^{^{59}}$ Рассогласование по категории рода часто наблюдается в речи Силкиной Галины Хольчовны (СГХ) на русском языке.

Таким образом, данные подробных языковых биографий и социолингвистических интервью с ретроспективным компонентом дают нам возможность проследить, как шла постепенная утрата многоязычия в Тухардской тундре и на сопредельных территориях в низовьях Енисея на протяжении второй половины XX в., проанализировать динамику этого процесса и выявить механизмы, которые привели к «большому переходу на ненецкий».

6. Реконструкция «лингвистических идеологий» в условиях языковых контактов: Тухардская тундра и сопредельные территории в нижнем течении Енисея (XX в. — нач. XXI в.)

В последние годы в области лингвистической антропологии понятие «языковые идеологии» / «лингвистические идеологии» ("language ideologies", "ideologies of language", "linguistic ideologies") приобретает все большую популярность, однако мнения исследователей по поводу того, какой именно термин использовать и какое теоретическое понятие за ним стоит, различаются: подробнее дискуссию об употреблении терминов "language ideologies", "ideologies of language" и "linguistic ideologies" см. в работах [Woolard 1998] и [Kroskrity 2004]. Основными общепринятыми определениями понятия «языковые/лингвистические идеологии» ("language ideologies", "ideologies of language", "linguistic ideologies") можно считать следующие:

- "shared beliefs of commonsense notions about the nature of language in the world" [Rumsey 1990: 346];
- "sets of beliefs about language articulated by users as a rationalization or justification of perceived language structure and use" [Silverstein 1979: 193];
- "the cultural system of ideas about social and linguistic relationships, together with their loading of moral and political interests" [Irvine 1989: 255].

Таким образом, понятие «языковые идеологии» не является «чисто» лингвистическим: находясь в области лингвистической антропологии, оно имеет также социальные и антропологические аспекты, связано с вопросами этнической и «личностной» идентификации и самоидентификации. Ср.: "Linguistic ideologies reflect not only language issues, but also issues of social, ethnic and personal identity. (...) linguistic ideologies are never just about language, but rather also concern such fundamental social notions as community, nation, and humanity itself" [Woolard 2004: 58].

Лингвистические идеологии могут проявляться в самих языковых практиках, например, в том, какой именно язык выбирается для общения в той или иной ситуации в условиях многоязычия, однако они также могут быть высказаны напрямую, эксплицитно — в металингвистическом дискурсе (этот феномен также может быть назван «имплицитной метапрагматикой» — "implicit metapragmatics" [Woolard 1998: 9]). Ср.: "Language ideologies are not only manifested in linguistic practice itself, but they are also expressed in explicit talk about language, in metalinguistic or metapragmatic discourse" [Lanza 2007: 51].

В условиях языковых контактов и многоязычия, особенно многоязычия типа "small-scale multilingualism" (подробнее об этом явлении см. [Lüpke 2016]), лингвистические идеологии могут как поддерживать многоязычие (например, в Warruwi community, см. [Singer, Harris 2016]), так и «подавлять» его, способствуя его утрате и «сдвигу» в сторону доминирующего языка.

В данном разделе мы предлагаем анализ некоторых значимых лингвистических идеологий, которые, по данным языковых биографий и социолингвистических интервью с расширенным ретроспективным компонентом, нам удалось выделить для сообщества Тухардской тундры и сопредельных территорий низовьев Енисея на период XX — нач. XXI в.

6.1. Языковые (лингвистические) идеологии, поддерживающие многоязычие: языки общения для коммуникации в условиях общей хозяйственной деятельности, языки для «женского коллектива» / «мужского коллектива»

В п. 5.1.2. мы уже коснулись факта взаимной мотивированности женщин, состоящих в отношениях свойства и проживающих на одном стойбище, в овладении родными языками друг друга (в рассмотренном примере — долганского и тундрового ненецкого): в условиях ведения совместного хозяйства при частом отсутствии мужей, работающих «в стаде», понимать речь друг друга в «женском коллективе» было необходимо. Напомним, что данная мотивация, которую можно условно сформулировать как «женщина должна знать (по крайней мере понимать) язык других женщин, с которыми она ведет совместную хозяйственную деятельность» («язык для женского коллектива»), может даже доминировать над мотивацией знать язык своего супруга (подробнее см. в п. 5.1.2.):

[Интервьюер:] *«Но она* ⟨женщина, родной язык которой — ТН⟩ *с ним* ⟨со своим мужем-долганином⟩ часто говорила по-долгански, как?»

[Инф. ЯРА:] «*Ну, если у него сёстры тоже долгане, она как-то всё равно выучила этот долганский язык*».

[Интервьюер:] «Выучила долганский язык?»

[Инф. ЯРА:] «Когда его... <u>куда-то он уезжает, наверно, она с ними общалась, с его сёстрами</u>. Они же все жили вместе».

Аналогичная мотивация в овладении родным языком других людей, с которыми осуществляется совместная хозяйственная деятельность, наблюдается не только внутри «женских коллективов» на одном стойбище, но и внутри «мужских коллективов» — в первую очередь оленеводов, занятых совместной работой «в стаде», и рыбаков, работающих в одной рыболовецкой бригаде. Данную лингвистическую идеологию можно условно сформулировать следующим образом: «мужчина должен знать (по крайней мере понимать) язык других мужчин, с которыми он ведет совместную хозяйственную деятельность» («язык для мужского коллектива»).

Ср.: [Инф. СГХ:] «Вот Юра $\langle ... \rangle$, в Левинске $\langle$ в Левинских Песках $\rangle$ когда работали, среди этих, долган, он слышал $\langle$ "понимал" $\rangle$, что они говорят. Если олень будут ловить, он уже знал, какой олень они ловят».

Однако данные языковые идеологии могут быть расширены следующим образом: «*X должен/должна знать (по крайней мере понимать) язык других людей, с которыми он/она ведет совместную хозяйственную деятельность»*. Приведем ниже несколько примеров, в которых выражается данная лингвистическая идеология.

1) Языки в условиях (совместной) оленеводческой деятельности

[Инф. АЗВ:] «Моя бабушка ⟨Лы́рмина Александра Никаноровна (1922 г. р.), родной язык которой — ТН⟩ на э́нецком разговаривала. ⟨...⟩ Вот она разговаривала по-энецкому. Ну они же аргишили 60 с энцами, с этими — с долганами, какие-то слова долганов знала. Потому что на ту сторону Енисея-то ⟨на правый берег Енисея⟩ ходили они, там и долгане бывали. Разговаривали. Больше на нганасанский я слышала она разговаривала, бабушка» [Инф. АЗВ: аудио № 1, с. 5];

[Инф. АЗВ:] «А у меня бабушка $\langle$ Лы́рмина Александра Никаноровна (1922 г. р.), родной язык которой — ТН $\rangle$ и на энецком могла разговаривать спокойно, вот на нганасанском ещё, да. $\langle ... \rangle$ На энецком разговаривала она спокойно. $\langle ... \rangle$ Ну, когда раньше, когда <u>аргишили</u>, наверное, попадались энцы, эти нганасане... По той стороне Енисея же нганасане же близко вот это вот» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 10].

2) Языки в условиях совместной рыболовецкой деятельности (в рыболовецкой бригаде)

[Инф. АЗВ:] «Это он ⟨бригадир Пётр Фильберт из «местных немцев»⟩ просто с ненцами работал — он сам. ⟨...⟩ Просто у него бригада, получается же, местные были. И с ним как бы, наверное, сидят же, чего вечером будет сидеть слушать?! Может, его рассуждают. Вот и учил ⟨тундровый ненецкий⟩. Маты все знал. Это сто процентов» [Инф. АЗВ: аудио № 2, с. 5] (отметим здесь распространенную дополнительную мотивацию в изучении языка — «знать то плохое, что о тебе говорят»).

3) Отметим, что даже люди «современных» профессий, деятельность которых связана с регулярным нахождением в тундре, среди тех, кто занят традиционной хозяйственной деятельностью, неоднократно подпадали под действие этой языковой идеологии, осваивая тундровый ненецкий язык для общения с «тундровиками». По данным наших информантов, некоторые ветеринары и вездеходчики (русские и иногда долгане), а также усть-портовские, казанцевские, караульские и байкаловские (по названиям населенных пунктов) «местные» русские, не «пришлые», а «коренные» в нижнем течении Енисея, занимающиеся охотой и рыболовным промыслом наряду с «тундровиками», могли владеть тундровым ненецким языком:

[Инф. АЗВ:] «Некоторые были ветеринары, которые полностью ненецкий учили — разговаривали хорошо» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 5];

[Инф. A3B:] «Из русских? Был один ветеринар... А как его фамилия? Имя было — забыла. Мищук. Разговаривал на нене́цком, но большинство маты хорошо знал. Потом кто еще хорошо на не́нецком разгова-

⁶⁰ *Аргиши́ть* — 'кочевать, переезжать с места на места, запрягая оленей в аргиши (караваны из одной легковой и нескольких грузовых нарт)'.

ривал? // Был еще один какой-то тёмный такой — тоже он ветеринар, вездеходчик был. Тоже он разговаривал на нене́цком. Ну, многие слова знал на нене́цком. ⟨...⟩ Был такой тоже, в совхозе работал. Были люди, которые разговаривали». [Инт.:] «В основном, это усть-портовские, да? Казанцевские, байкаловские? Тамошние, да?» [Инф. АЗВ:] «Ну да, тамошние. Те разговаривали. ⟨...⟩. Здесь-то ветеринары — они же пришлые все. Они же приезжие, так вот. С Дудинки, с края ⟨из Красноярска⟩, с Игарки... Здесь и долганин был ⟨ветеринар⟩, который на нене́цком, постоянно здесь работал. ⟨...⟩ Чуприн. Тот разговаривал. ⟨...⟩ Тоже разговаривал на нене́цком, ну так как он уже долго работал» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 6];

[Инф. АЗВ:] «И один у нас даже в детстве, помню, один дяденька русский идёт с берега, и это... я говорю... папа меня спрашивает: "Кто там?". Грю ⟨говорю⟩: "А, какой-то русский". А он снизу кричит: "Ань ⟨Нани'⟩ торовов! Нйсян мяка́нанда мэ?" ⟨ТН букв. 'Здравствуй! Отец-твой в чуме-его есть?' = 'Здравствуй! Твой отец в чуме ⟨дома⟩?'). Вроде русский — по-ненецки болтает. Потом он моему папе говорит: "Чё ⟨что⟩ ребёнка не учишь на нене́цком разговаривать? Чё ⟨что⟩ она у тебя на русском разговаривает?". ⟨...⟩ Это не ветеринар, это просто дяденька был. Тоже эти... местные вот эти вот, то ли устьпортовские, то ли казанцевские, то ли караульские ли они... Ве́чер ⟨фамилия⟩. Были Вечер. Вот этого дяденьку Александр вроде бы звали. Отчество не помню. ⟨...⟩ Вечер у них фамилия. ⟨...⟩ Всю жизнь среди ненцев, наверное, были. И вот этот — Александр — вообще разговаривает полностью на нене́цком. Я вообще удивилась: дяденька русский — полностью на нене́цком разговаривает» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 5—6].

В эту же группу людей, овладевающих тундровым ненецким языком, попадают и «русские мужья»: в п. Тухард не редкость смешанные браки между ненецкими женщинами и «русскими» мужчинами (ТН тайм. луса [lúse] ~ ТН лит. луца 'русский'), под «русским» может пониматься не только действительно русский, но и украинец, белорус и т. д. По нашим сведениям, полученным в ходе экспедиций, процент такого рода смешанных браков в п. Тухард выше соответствующего показателя в населенных пункта Ямало-Ненецкого АО, но здесь мы не опираемся на статистические данные и не можем назвать точную цифру. Многие из таких «русских мужей» занимаются рыбалкой и ездят на оленеводческие стойбища к родственникам жен, а некоторые также пытаются хотя бы немного — на лексическом уровне — освоить тундровый ненецкий язык, родной язык своих жен: [Инф. КЕА:] «Ну, он только знает 'здравствуйте' там. Ну, в основном лёгкие слова как бы: 'здравствуй', 'до свидания', 'хлеб', 'соль', 'вода'. Ну, это лёгкие слова» [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 26].

6.2. Языковые (лингвистические) идеологии, не поддерживающие многоязычие и способствующие его утрате: «тайные языки» взрослых

В п. 5.1.3. мы подробно рассмотрели стратегию сознательного языкового дистанцирования родителей от детей в смешанных семьях, проявляющуюся в намеренном использовании «недоминирующих» идиомов (долганского и тундрового энецкого) как «языков для взрослых», своего рода «тайных языков», а «доминирующего» тундрового ненецкого — для общения с детьми. Именно это сознательное «языковое дистанцирование» родителей от своих детей в смешанных семьях стало важным фактором в процессе утраты многоязычия ("small-scale multilingualism") и «большом переходе на ненецкий». О важной роли языковых идеологий родителей в смешанных семьях, особенно лингвистических идеологий, связанных с «передачей» языка своим детям, для билингвизма и многоязычия на уровне семьи см. [De Houwer 1999; Lanza 2007] ("the important role of parental beliefs and attitudes about language and language learning in early bilingual development and family multilingualism" [Lanza 2007: 51—53]).

6.3. Языковые (лингвистические) идеологии, «нейтральные» по отношению к сохранению многоязычия

6.3.1. Усвоение чужого языка как аспект культурной адаптации

Также необходимо отметить, что тухардские ненцы (носители тундрового ненецкого языка как родного) часто соотносят факт усвоения ТН языка «пришлыми» долганами с овладением реалиями ненецкой традиционной материальной культуры. Так, в социолингвистических интервью информанты неоднократно отмечали, что долганки Аграфена Николаевна и Татьяна Николаевна не только стали говорить на тундровом ненецком языке, но и 1) стали шить и/или носить одежду не долганского, а ненецкого покроя, 2) стали ездить, запрягая оленей в упряжку ненецкого типа (рис. 7а, 7b), а не навьючивая груз на оленей сверху на долганский манер. Приведем здесь примеры из интервью с Силкиной Галиной Хольчовной (СГХ), невесткой долганки Аграфены Николаевны.

1) [Интервьюер:] «А Татьяна Николаевна хорошо по-ненецки говорила?»

[Инф. СГХ:] «Хорошо. И сокуй ^{61} шила. Одежду нашу. Как научилась?! $\langle ... \rangle$ Когда они вместе работали, перешли на мальцы ^{62} ... носить».

[Интервьюер:] «А раньше они что носили?»

[Инф. СГХ:] «Долганский... одежду. И долганские шапки носили. $\langle ... \rangle$ И бабка моя $\langle$ свекровь, Аграфена Николаевна $\rangle$ знала по-нене́цки. Сокуй шила нене́цкие. А вторая-то, Татьяна Николаевна, она нашу $\langle$ ненецкую $\rangle$ одежду носила, па́рку ^{63} , бокари ^{64} . А моя бабка $\langle$ свекровь, Аграфена Николаевна $\rangle$ — долганское, своё. Не хотела менять одежду. У ней $\langle ... \rangle$ [jík³dəd] $\langle$ TH jīkəd°? 'воротник' $\rangle$ до лица бывает, по-долгански, долганский. Шитая парка ^{65} . Как расклешённое пальто» [Инф. СГХ: аудио № 3, с. 4—5].

Здесь наглядно видно, как информантка Галина Хольчовна (СГХ) воспринимает тот факт, что долганская женщина «хорошо» говорит на тундровом ненецком языке: не просто хорошо говорит поненецки — но и хорошо шьет «по-ненецки» (ненецкую одежду).

2) [Инф. СГХ:] «А аргишили⁶⁶ как кони, как, ну, сверху олене́й. Аргишили, кочевали. Говорят, у них мешки были, долганские. Например, мука, половина, половина с той стороны мешком, в мешках. И специально завязывали, чтоб на одну сторону тяжёлый не был. <u>Потом вот… начали сани</u>» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 21].

То есть вначале долгане кочевали, навьючивая груз на оленей сверху в специальных сумках, а затем перешли на ненецкий тип запряжки оленей — в нарты, «сани» (рис. 7a, 7b).

Таким образом, усвоение долганами тундрового ненецкого языка в условиях проживания в контакте с численно доминирующим ненецким населением мыслится как один из аспектов перехода от долганской культуры к ненецкой, как один из компонентов культурного сдвига (cultural shift).

Здесь следует попутно отметить тот факт, что говор долган Яроцких, пришедших в 1950-х гг. с «усть-авамской стороны» в Воронцовскую тундру и в 1972 г. переехавших в окрестности Левинских Песков, отличался от говора других долган, с которыми они встречались в Левинских Песках. Об этом упоминает Галина Хольчовна (СГХ), свекровь которой — Аграфена Николаевна — не могла говорить по-долгански с долганами, приезжавшими в Левинские Пески из других мест: «Долганы же тоже такие же, нации. Говорят, у них тоже язык различается. А я думала, что этот, одинаковый. Оказывается, язык другой. ⟨...⟩ Один раз откуда долганы стадо привезли к нам, в Левинск (Левинские Пески), я говорю: "Бабушка ⟨свекровь, Аграфена Николаевна⟩, почему с ними не разговариваешь?" Она говорит: "Язык! У них вообще язык другой". Я думала, одинаковый» [Инф. СГХ: аудио № 3, с. 3].

⁶¹ Разновидность ненецкой верхней одежды (рис. 8). Русское слово *соку́й* для обозначении верхней меховой одежды, которая шьется мехом наружу и надевается в сильные морозы или в дальнюю дорогу поверх малицы (одежды другого типа, шьющейся мехом вовнутрь), распространено в низовьях Енисея, на Таймыре, самой восточной территории расселения ненцев. На территории западнее Уральских гор, в Ненецком автономном округе, в том же значении употребляется существительное *сови́к*, а на полуострове Ямал (и в Ямало-Ненецком АО) — *гусь*. Ср. диалектные варианты этого слова в тундровом ненецком языке: б.-з., зап. *сава́к* [Терещенко 1965: 518] ~ тайм. *сок* [там же: 566] ~ ямал. *со̄к* [там же: 566]; б.-з., зап. *ѕøwøk*° [Salminen 1998: 60] ~ ямал. *ѕоøk*° [там же: 60]. Ср.: «*Сокуй* (*сок*) — зимняя глухая одежда с капюшоном, шьется из оленьих шкур мехом наружу; надевается мужчинами поверх малицы» [Лабанаускас 1995: 219]. Подробнее о ненецкой одежде этого типа см. в статье [Амелина 2013].

⁶² Разновидность ненецкой верхней одежды (рис. 9): ТН *мальця* 'малица (верхняя мужская меховая одежда, шьется мехом внутрь)' [Терещенко 1965: 225]; рус. *ма́лица* — «глухая, без разреза, одежда, сшитая из телячьих шкур (осенних или летних) мехом внутрь» [Хомич 1966: 116]. Под «телячьими» шкурами здесь понимаются шкуры трех-четырехмесячных оленят.

⁶³ В данном случае речь идет о ненецкой женской верхней распашной одежде: «Парка — верхняя меховая одежда женщины-ненки» [Лабанаускас 1995: 219]. Словом парка в низовьях Енисея, на Таймыре принято называть ТН паны, в тундрах Ямало-Ненецкого АО в этом значении используется русское существительное ягу́шка, а в Ненецком АО — пани́ца. Подробнее об этом типе ненецкой женской одежды см. в статье [Амелина 2014], а о самом слове парка — в работе [Амелина 2013].

⁶⁴ Разновидность ненецкой обуви мехом наружу (рис. 9). ТН *пива*" в разных районах расселения ненцев переводится на русский язык по-разному: западнее Уральских гор (в Ненецком АО) — как *пимы*, восточнее Уральских гор (в Ямало-Ненецком АО) — как *кисы*́, в низовьях Енисея и на полуострове Таймыр — как *бокари́/бакари́*.

⁶⁵ Здесь в значении просто 'женская одежда', не 'ненецкая женская одежда'.

⁶⁶ Аргишить — см. толкование данного слова в подстрочной сноске 60.

Рис. 7а. Ездовая мужская нарта. Вэнго Игорь (Лямби) Андреевич собирается запрягать в ездовую нарту упряжных оленей. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Рис. 7b. Яптунэ Сергей (Вадалик) Алексеевич запрягает упряжных оленей в ездовую мужскую нарту. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

Рис. 8. Мальчик в ненецкой верхней одежде «совик» («гусь», «сокуй»). Село Сё-Яха Ямальского района ЯНАО, апрель 2010 г. Фото автора.

Рис. 9. Дети в малицах (под разноцветными «сорочками» с узорами) и «бокарях» у жилого балка на стойбище Яптунэ и Вэнго. Тухардская тундра, конец ноября 2017 г. Фото автора.

6.3.2. Знание родного языка и традиционная хозяйственная деятельность

Также существует следующая языковая идеология: знание родного языка связано с умениями в области традиционной хозяйственной деятельности (оленеводства, охоты, рыбалки), со знаниями «азов» традиционной культуры. Иными словами, существует представление о том, что если человек знает родной язык (например, тундровый ненецкий, тундровый энецкий), то он обладает и традиционными хозяйственными умениями; если человек не знает родной язык (например, тундровый ненецкий, тундровый энецкий), то он не обладает и традиционными хозяйственными умениями (1); если человек живет в тундре, занимаясь оленеводством и другой традиционной хозяйственной деятельностью, то, с большой вероятностью, он знает и родной язык (2).

- 1) [Интервьюер:] «А он по-ненецки как? Понимает?» [Инф. АЗВ:] «Он это... Не понимай! Он как-то так это... Неа. Вообще, <u>мне кажется, ноль на ненецком</u>. ⟨...⟩ <u>Он вообще ни рыбалку, ни охоту</u>... Возьмёшь его на рыбалку он будет, как старый дед, с одной лунки в другую лунку ползти» [Инф. АЗВ: аудио № 4, с. 11].
- 2) [Инф. КРВ:] «Он энец ⟨ЛЭ⟩». [Интервьюер:] «А он по-энецки говорит?» [Инф. КРВ:] «Я даже не знаю, скорее всего, конечно, говорит, если жил в тундре, жил вот. Мне кажется, язык сохраняется тогда, если человек живет в тундре» [Инф. КРВ: аудио № 1, с. 13].

6.3.3. «Наследование» этнической принадлежности по мужской линии и родной язык

В п. 5.3.1. мы подробно остановились на том, как проходило общение в семье Силкина Юрия Пуяковича, потомка от смешанного тундрово-энецко-долганского (ТЭ–Д) брака, и Галины Хольчовны (ТН). Как уже упоминалось выше, Юрий Пуякович общался с женой на тундровом ненецком, но также мог говорить и на тундровом энецком со своим родственником (двоюродным братом) Романом Деголевичем и со своим отцом Пуяку Бакуловичем. При этом со своими детьми Юрий Пуякович говорил на тундровом ненецком, но они также могли слышать, как отец говорил по-энецки (ТЭ) с другими людьми, и понимать отдельные слова. Ср. об этом отрывок из интервью с информанткой Силкиной Галиной Хольчовной:

```
[Интервьюер:] «А Вы с Юрием Пуяковичем между собой как обычно говорили?» [Инф. СГХ:] «По-нене́цки». [Интервьюер:] «А с детьми?» [Инф. СГХ:] «С детьми тоже — по-нене́цки. Поэтому они свой язык не знают» [Инф. СГХ: аудио № 3, с. 2].
```

Как мы уже подробно писали выше (см. п. 5.3.1.), фраза «свой язык не знают» свидетельствует о том, что «своим языком» детей Галина Хольчовна называет не тундровый ненецкий, который является для них и для нее самой родным и на котором велось все общение с детьми (и между родителями) в семье, а тундровый энецкий — родной язык деда своих детей по отцовской линии (Силкина Пуяку Бакуловича). Однако факт незнания детьми «своего языка» и представление о том, что тундровый энец (мандо) должен говорить на тундровом энецком (мандо вада), накладывает свой отпечаток на восприятие Галиной Хольчовной этнической идентичности своих детей: [Инф. СГХ:] «Один Юрий Юрьевич сейчас есть в тундре, вверху. Какой энец?! "Ánы" [ápɨ] ⁶⁷ ⟨ТЭ аbа 'мама'⟩ не знает по-эне́цки» [Инф. СГХ: аудио № 2, с. 16].

Сложнее обстоит дело с потомками Силкина Дёголя Бакуловича, которых далеко не все коренные жители Тухардской тундры считают тундровыми энцами. Как уже было сказано выше, несмотря на одинаковое отчество Пуяку и Дёголя (Бакуловичи), они не являются родными братьями: Дёголь — племянник Пуяку Бакуловича (ТЭ), сын его сестры (ТЭ) и тундрового ненца из рода Яптунэ; отчество «Бакулович» было дано Дёголю по имени его деда по материнской линии, на стойбище которого он воспитывался. Так как отцом Дёголя был тундровый ненец из рода Яптунэ, многие тухардцы склонны считать Дёголя и его потомков не тундровыми энцами, а ненцами, несмотря на то, что Дёголь воспитывался дедом Бакулом (тундровым энцем) и жил в энецком (ТЭ) окружении, а его родным языком был тундровый энецкий, а не ненецкий. См. об этом в интервью с одной информанткой (1971 г. р.):

«Здесь вот у нас энцы пишутся в Тухарде, энцами, Силкин Семён Дего́левич, Роман Дего́левич, Дмитрий Дего́левич, вот эти вот. Они не Силкины, и они не энцы, они ненцы, но \тундровый энецкий\ язык знают, так как ихнего отца воспитали энцы. Они Яптунэ. Ихнего отца воспитал Силкин. На самом деле Яптунэ \тунд \они и их отец Дёголь\. Здесь тухардские энцы, которые пишутся энцами, Силкины, они не энцы, они ненцы. \times.\times Так Яптунэ стали Силкиными. Но Роман Дего́левич, даже сегодня пойдешь, он скажет: "Я энец". Вот Роман Дего́левич и Дмитрий Дего́левич, те не хотят быть ненцами, те хотят быть энцами. А вот самый старший брат у них, Семён Дего́левич, а он скажет: "Мне без разницы. Все равно, — говорит, — мы женаты на ненках. Какая разница?! Были энцами, останемся ненцами"».

Таким образом, ситуация с определением «этничности» потомков Дёголя Бакуловича («Деголевичей») обнаруживает конфликт нескольких «этнолингвистических идеологий», как «внутренних» (как они сами определяют себя), так и «внешних» (как их отца и их самих определяют другие люди, не из их семьи):

- 1а) <u>«внутреннее» этническое самоопределение</u> строится в первую очередь на этнической принадлежности прадеда Бакула (тундровый энец ТЭ), на стойбище которого воспитывался их отец Дёголь (ТН по отцовской линии, ТЭ по материнской линии), при этом этническая принадлежность самого Дёголя таким образом формально передается по женской (материнской) линии и соотносится с его родным языком тундровым энецким;
- 1б) также следует указать на <u>«прогностическое» определение этнической принадлежности своих потомков</u> одним из «Деголевичей» по женской линии, т. е. по линии своей супруги (ТН), в условиях доминирующего ненецкого окружения и доминирующего тундрового ненецкого языка (*«Были энцами, останемся ненцами»*);

⁶⁷ См. электронный тундрово-энецкий аудиословарь О. В. Ханиной в базе "LingvoDoc" (ссылка на него была приведена выше): *abaa*, *aba* 'мать; старшая сестра; тетя (женщина в функции матери)'.

- 1в) при этом возможна некоторая вариативность в <u>«степени сознательности» этнического самоопределения</u> так несколько потомков Дёголя Бакуловича «хотят быть энцами», тогда как еще один (правда, не по его собственным словам, а по данным, полученным от других информантов) не видит принципиальной разницы в самоопределении себя тундровым энцем или тундровым ненцем;
- 2) <u>«внешнее» этническое определение</u> потомков Дёголя Бакуловича («Деголевичей») другими людьми базируется на аргументе «наследования» этнической принадлежности по мужской линии, т. е. строится в первую очередь на этнической принадлежности деда Деголевичей (ТН): люди из других семей (особенно из семей тундровых ненцев, с «ненецкого ракурса») склонны воспринимать «Деголевичей» как тундровых ненцев, говорящих при этом также на тундровом энецком (а не только на ненецком).

Отметим, что, по нашему мнению, в настоящее время (в начале XXI в.) идея соответствия этнической идентификации и родного языка в Тухардской тундре становится более значимой, чем была в XX в., и начинает «догонять» идею «наследования» этнической принадлежности по мужской линии (без знания родного языка отца). Ср. отрывок из интервью с Кузнецовой (урожд. Яроцкой) Екатериной Андреевной (1983 г. р.) о ее отце (долганине по отцовской линии и тундровом ненце по материнской):

[Инф. KEA:] «Мы считаемся сейчас долганами. $\langle ... \rangle$ Ну, нас так записали. Отца. А так мы себя считаем ненцами. То есть, если мы разговариваем по-ненецки, то мы считаем себя ненцами. Мы живем среди ненцев».

[Интервьюер:] «А Ваш отец, он кем себя считал?»

[Инф. КЕА:] «Ну, он считал себя ненцем».

[Интервьюер:] « $\langle ... \rangle$ То есть по матери, да, получается? А отец по-долгански Ваш мог говорить?»

[Инф. КЕА:] «Ну, он так говорил чуть-чуть». $\langle ... \rangle$

[Интервьюер:] «А с кем он говорил по-долгански?»

[Инф. КЕА:] *«Ну, когда мы маленькие были, он с нами только говорил. Ну, пытался нас научить»* [Инф. КЕА: аудио № 1, с. 6].

Отдельно отметим языковую идеологию, характерную для потомков долганина Яроцкого Алексея Николаевича и представительницы локальной группы тундровых ненцев Ӈа́дэр (в девичестве) Сю́нско Пимоновны (см. подробнее выше): для потомков этой семьи характерно восприятие себя как «смешанных ненцев» («чистыми ненцами» они обычно называют жителей Носковской, Гыданской, Тазовской и Ямальской тундр, непременно противопоставляя себя им). Несмотря на то, что тундровый ненецкий язык для них является родным, они часто склонны преуменьшать уровень своего владения родным языком: «я не знаю, это Вам надо настоящих ненцев спросить» [Инф. ЯРА].

Таким образом, конкретные языковые биографии представителей коренного населения Тухардской тундры и их предков могут стать «кирпичиками» в реконструкции социолингвистической ситуации в этом регионе, дополнить наши представления о функционировании многоязычия и процессе его утраты в низовьях Енисея на протяжении XX в., а также о том, какими лингвистическими идеологиями подкреплялся «большой переход на ненецкий».

Сокращения

Языки и диалекты

```
Д — долганский
```

[ЛН — лесной ненецкий]

Nj. — нялинский говор [Lehtisalo 1956]

P — пуровский говор (идиолект $\beta aśśəvò n \ddot{a}ei\beta\beta aśettv) [Lehtisalo 1956]$

Нг, нган. — нганасанский

ППерм. — прапермский

рус. — русский

ТН — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский (центральный) диалект тундрового ненецкого языка

К — колвинский говор (идиолект носителя, жившего в окрестностях р. Колва) [Lehtisalo 1956]

Sj. — говор по реке $\varsigma' \hat{\rho} i \delta p$ (ближе к Полярному Уралу) [Lehtisalo 1956]

U — устынский (пустозерский) говор [Lehtisalo 1956]

вост. — восточные диалекты тундрового ненецкого языка

тайм. — таймырский (енисейский) диалект тундрового ненецкого языка

```
ямал. — ямальский диалект тундрового ненецкого языка
         O — обдорский говор (идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptsew) [Lehtisalo 1956]
         O_3 — обдорский говор (идиолект шамана Лапсуя, şāmpp ^v tapsùi) [Lehtisalo 1956]
         OP — говор в низовьях Оби (идиолект Матвея Ядне, Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956]
   зап. — западные диалекты тундрового ненецкого языка
         N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956]
         Oks. — оксинский говор [Lehtisalo 1956]
         U-Ts. — говор малоземельского диалекта (идиолект Ofimja s\bar{o}B^{\Gamma}al'\bar{u}\beta) [Lehtisalo 1956]
хант. — хантыйский
   Ahl. — берёзовский диалект, по данным A. Ahlqvist [Steinitz 1966]
   Cast. (I) — иртышский диалект, по данным М. A. Castrén (1845 г.) [Steinitz 1966]
   Cast. (S) — сургутский диалект, по данным М. А. Castrén (1845 г.) [Steinitz 1966]
   Irt. — иртышский диалект [Steinitz 1966]
      Fil. — говор юрт Филинских ("Filinskije") иртышского диалекта [Steinitz 1966]
   J — юганский диалект [Steinitz 1966]
   Каz. — казымский диалект [Steinitz 1966]
   Likr. — говор н. п. "Likrisovskoje" на р. Оби [Steinitz 1966]
   Мј. — диалект на р. Малый Юган [Steinitz 1966]
   Ni. — низямский диалект [Steinitz 1966]
   Patk. (D) — диалект по р. Демьянка, по данным С. Патканова (1886 г.) [Steinitz 1966]
   Patk. (I) — иртышский диалект, по данным С. Патканова (1886 г.) [Steinitz 1966]
   Patk. (Ko.) — кондинский диалект, по данным С. Патканова (1886 г.) [Steinitz 1966]
   Sy. — сынский диалект [Steinitz 1966]
   Š — шеркальский диалект [Steinitz 1966]
   Trj. — диалект на р. "Tremjugan" [Steinitz 1966]
   V — ваховский диалект [Steinitz 1966]
   Vart. — вартовский говор, говор н. п. "Vartovskoje" на р. Оби [Steinitz 1966]
   Vj. — васюганский диалект [Steinitz 1966]
   VK — говор н. п. "Verchne-Kalymsk" на р. Оби, между устьями рр. Вах и Васюган [Steinitz 1966]
[энец. — энецкие]
   ЛЭ — лесной энецкий
   ТЭ — тундровый энецкий
                                                   Глоссы
1 — первое лицо
2 — второе лицо
3 — третье лицо
PRES/AOR — настоящее время [Nikolaeva 2014] / аорист [Salminen 1998] / неопределенное время [Терещенко 1965]
ESS — эссив
GEN — генитив
нав — хабитуалис
ІМР — императив
IND — индикатив
LIМ — лимитатив
N — имя существительное
NOM — номинатив
OBJ(SG) — объектное спряжение (с объектом в единственном числе)
PAST — прошедшее время [Nikolaeva 2014]
PL — множественное число
POSS — посессивное склонение
PROL — пролатив
SG — единственное число
SUB — субъектное спряжение
                                                   Обшие
```

букв. — буквально

жен. — женский (вариант фамилии)

Инт. — интервьюер

Инф. — информант

лит. — литературное

миф. — мифологическое

перен. — переносное значение

приблиз. — приблизительно

урожд. — урожденная (в девичестве)

устар. — устаревшее

Информанты

АЗВ — Алько́ва (урожд. Лампа́й) Зоя Владимировна: 1971 г. р., род. в Усть-Порту; детство прошло в районе Посино и оз. Тампе; 7 классов образования

ВВВ — Вэнго (урожд. Тоги) Валентина Владимировна (Хэвне): 1991 г. р.; детство прошло возле Мессояхи

ВИА — Вэ́нго Игорь (Ля́мби) Андреевич: 1987 г. р., род. в Носковской тундре (переехал кочевать в Тухардскую тундру в 2006 г.)

ВПА — Вэ́нго (урожд. Яптунэ́, *Та́б Я́бто ' уэ*") Полина Алексеевна (*Ейконе*, *Лямби ' небя*): 1967 г. р.; 8 классов образования (школа в Усть-Порту)

КЕА — Кузнецова (урожд. Яро́цкая) Екатерина Андреевна: 1983 г. р., род. в Тухардской тундре; 11 классов образования, училась в КГБПОУ «Таймырский колледж» в Дудинке (специальность — бухгалтерский учет и аудит)

КРВ — Кая́рина Раиса Васильевна: 1981 г. р.; учительница начальной школы в пос. Тухард

ПАИ — Пальчина (урожд. Ямкина) Августа Ивановна (Не ерв): 1959 г. р.

ПНА — Па́льчина Наталья Афанасьевна: 1956 г. р., род. на промысловой точке отца — Кислый Мыс (ныне Тухард); 8 классов образования

СГХ — Си́лкина (урожд. Яптунэ́) Галина Хольчовна: 1950 г. р., род. в Мунгуе; детство прошло на р. Агапа; 5 классов образования (1–4 кл. — в Мунгуе, 5 кл. — в Карауле)

ТОЯ — Тэ́седо Олег Ямбанович: 1950 г. р., род. в окрестностях Мунгуя; 7 классов образования (1–4 кл. — в Мунгуе, 5–7 кл. — в Карауле)

ЯИЛ — Яптуне Иван Лапсу́евич: 1953 г. р., род. в пос. Мунгуй; 6 классов образования (0–2 кл. — в Мунгуе, 3–4 кл. — в Байкаловске, 5–6 кл. — в Карауле)

ЯИЮ — Яптунэ́ (Лы́рмина) Ирина Юрьевна: 1957 г. р., род. в пос. Малая Хета; 7 классов образования (0–1 кл. — в школе-интернате в Малой Хете, 2–7 кл. — в школе-интернате в Усть-Порту)

ЯРА — Яптунэ́ (урожд. Яро́цкая) Раиса Алексеевна: 1964 г. р., род. в Воронцовской тундре; 9 классов образования (0 кл. — в Воронцово, 1 кл. — в Красноярске, 2 кл. — в Курейке, 3–9 кл. — в школе-интернате в Дудинке)

Литература

Амелина 2013 — *Амелина М. К.* Ненецкая верхняя одежда: *парка* и *совик* // Урало-алтайские исследования. 2013, 3 (10). С. 7—23. {*Amelina M. K.* Nenets outerwear: *parka* and *sovik* // Ural-Altaic Studies. 2013, 3 (10). Р. 7—23.}

Амелина 2014 — *Амелина М. К.* Ненецкая женская одежда *пăны*: западная паница и восточная ягушка // Урало-алтайские исследования. 2014, 4 (15). С. 7—31. {*Amelina M. K.* The Nenets women's clothing *păny*: Western *panitsa* and Eastern *yagushka* // Ural-Altaic Studies. 2014, 4 (15). Р. 7—31.}

Амелина 2019 — Амелина М. К. «Большой переход на ненецкий»: Реконструкция социолингвистической ситуации в Тухардской тундре (Таймырский Долгано-Ненецкий район) по данным языковых биографий // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 1 (23). С. 29—43. {Amelina M. K. "The big shift to Tundra Nenets": Reconstruction of the sociolinguistic situation in Tukhard tundra (Taimyrsky Dolgano-Nenetsky district) according to language biographies // Tomsk journal of linguistics and anthropology. 2019, 1 (23). P. 29—43.}

Аникин, Хелимский 2007 — *Аникин А. Е., Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {*Anikin A. E., Khelimsky E. A.* The Samoyedic-Tungusic lexical links. M., 2007.}

Бармич, Вэлло 2002 — *Бармич М. Я.*, *Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {*Barmich M. Ya.*, *Vello I. A.* The Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary (Forest Nenets): Approximately 6500 words. For primary schools. 2nd ed. SPb., 2002.}

Васильев 1975 — *Васильев В. И.* Проблема формирования енисейских ненцев // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 111—147. {*Vasil'ev V. I.* The problem of formation of the Yenisei Nenets // Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North. M., 1975. P. 111—147.}

3П, № 124 — *Гунина С.* Новый Тухард // Заполярная правда. 2018, № 124 (от 10.08.2018 г.) // http://gazetazp.ru/2018/124/2/. {Gunina S. New Tukhard // Polar truth. 2018, 124 (date: 10.08.2018) // http://gazetazp.ru/2018/124/2/}.

Коряков 2018 — *Коряков Ю. Б.* Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018, 4 (31). С. 156—217. {*Koryakov Yu. B.* The problem "language or dialect" and the Samoyedic languages // Ural-Altaic Studies. 2018, 4 (31). Р. 156—217.}

Костеркина и др. 2001 — *Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский: Около 7000 слов. СПб., 2001. *{Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu.* The Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary: Approximately 7000 words. SPb., 2001.*}*

Куприянова 1954 — *Куприянова 3. Н.* Терминология родства в устном народном творчестве ненцев. (Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 101.) Л., 1954. {*Kupriyanova Z. N.* Kinship terminology in the Nenets folklore. (Scientific notes of Herzen Leningrad State Pedagogical Institute. Vol. 101.) L., 1954.}

Лабанаускас 1995 — *Лабанаускас К. И.* Ненецкий фольклор: Мифы. Сказки. Исторические предания. (Серия «Фольклор народов Таймыра». Вып. 5.) / Ред. *Л. П. Ненянг*, *Р. П. Яптунэ*. Красноярск, 1995. {*Labanauskas K. I.* The Nenets folklore: Myths. Tales. Historical legends. (Series "Folklore of Taimyr peoples". Is. 5.) / Ed. *L. P. Nenyang*, *R. P. Yaptune*. Krasnoyarsk, 1995.}

Напольских 2005 — *Напольских В. В. Йогра* (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антро-пологический форум. 2005, 3. С. 240—268. {*Napolskikh V. V. Jögra* (The early Ob-Ugric-Permic contacts and ethnonymy // Forum for Anthropology and Culture. 2005, 3. P. 240—268.}

Ненянг 1996 — *Ненянг Л. П.* Наши имена: К вопросу об имянаречении и бытовании собственных имён у ненцев Таймыра. Антропонимический очерк. СПб., 1996. {*Nenyang L. P.* Our names: On the question of naming and functioning of proper names among Taimyr Nenets. Anthroponymic essay. SPb., 1996.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.) {*Popova Ya. N.* The Nenets-Russian dictionary: Forest Nenets. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.)}

Сирагуза 2018 — *Сирагуза Л*. Вепсские секреты: двуязычие, переключение кодов и практики сокрытия (Пер. *Арзютова Д. В.*) // Этнография. 2018, 1. С. 185—194. {*Siragusa L.* Secrets of Vepsians: Bilingualism, codeswitching and practices of concealment (Translated by *Arzyutov D. V.*) // Etnografia. 2018, 1. Р. 185—194.}

Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Словарь энецко-русский и русско-энецкий: Около 6000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. СПб., 2001. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* The Enets-Russian and Russian-Enets dictionary: Approximately 6000 words. For primary schools. SPb., 2001.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* The Nenets-Russian dictionary: Approximately 22000 words. With the Appendix of a brief grammatical outline of the Nenets language. М., 1965.}

Хайду 1985 — Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. {Hajdú P. Uralic languages and peoples. М., 1985.}

Ханина 2019 — *Ханина О. В.* Практики многоязычия в низовьях Енисея: Опыт социолингвистического описания ситуации в прошлом // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 1 (23). С. 9—28. {*Khanina O. V.* Multilingual practices in the Lower Yenisei area: A sociolinguistic study of the past // Tomsk journal of linguistics and anthropology. 2019, 1 (23). Р. 9—28.}

Хелимский 2000а — *Хелимский Е. А.* Об одном переходном северносамодийском диалекте (к исторической диалектологии ненецкого языка) // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 50—55. {*Khelimsky E. A.* On one transitive Northern Samoedic dialect (to the historical dialectology of the Nenets language) // Comparativistics, Uralistics: Lectures and articles. M., 2000. P. 50—55.}

Хелимский 2000b — *Хелимский Е. А.* Очерк истории самодийских народов // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 26—40. {*Khelimsky E. A.* Essay on the history of the Samoyedic peoples // Comparativistics, Uralistics: Lectures and articles. M., 2000. P. 26—40.}

Хелимский 2002 — *Хелимский Е. А.* Таймыр, нижний Енисей и бассейн Таза в начале XVIII века: заметки Г. Ф. Миллера по этнологии, этнонимии и топонимии Мангазейского уезда // Языки мира. Типология. Уралистика: Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М., 2002. С. 592—616. {*Khelimsky E. A.* Taimyr, the Lower Yenisei and the Taz basin at the beginning of the XVIII century: G. F. Miller's notes on ethnology, ethnonymy and toponymy of Mangazeya uyezd // Languages of the World. Typology. Uralistics: In memory of T. Zhdanova. Articles and memoirs. M., 2002. P. 592—616.}

Хомич 1966 — Хомич Л. В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966. {Khomich L. V. Nenets: Historical and ethographic essays. М.—L., 1966.}

De Houwer 1999 — *De Houwer A.* Environmental factors in early bilingual development: The role of parental beliefs and attitudes // Bilingualism and Migration / Eds. *G. Extra, L. Verhoeven.* Berlin, 1999. P. 75—95.

Irvine 1989 — *Irvine J.* When talk isn't cheap: Language and political economy // American Ethnologist. 1989, 16. P. 248—267.

Khanina, Koryakov, Shluinsky 2018 — *Khanina O., Koryakov Yu., Shluinsky A.* Enets in space and time: a case study in linguistic geography // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2018, Bd. 42. P. 109—135.

Kroskrity 2004 — *Kroskrity P. V.* Language ideologies // A Companion to Linguistic Anthropology / Ed. *Duranti A.* Oxford, 2004. P. 496—517.

Lanza 2007 — *Lanza E.* Multilingualism and the family // Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication / Eds. *Auer P., Li Wei.* Berlin — New York, 2007. P. 45—67.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XIII. Helsinki, 1956.)

Lüpke 2016 — *Lüpke F*. Uncovering small-scale multilingualism // Critical Multilingualism Studies. 2016, 4.2. P. 35—74. Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I*. A Grammar of Tundra Nenets. Berlin — Boston, 2014.

Rumsey 1990 — *Rumsey A.* Wording, meaning and linguistic ideology // American Anthropologist. 1990, 92. P. 346—361. Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXVI. Helsinki, 1998.)

Silverstein 1979 — *Silverstein M.* Language structure and linguistic ideology // The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels / Eds. *P. R. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer.* Chicago, 1979. P. 193—247.

Singer, Harris 2016 — *Singer R.*, *Harris S.* What practices and ideologies support small-scale multilingualism? A case study of Warruwi Community, northern Australia // IJSL. 2016, 241. Small languages and small language communities, 81 / Ed. *B. O'Rourke*. P. 163—208.

Siragusa 2017 — *Siragusa L.* Secrecy and sustainability: How concealment and revelation shape Vepsian language revival // Anthropologica. 2017, 59 (1). P. 74—88.

Steinitz 1966 — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Bd. I. Berlin, 1966.

Woolard 1998 — *Woolard K.* Language ideology as a field of inquiry // Language Ideologies. Practice and Theory / Eds. *B. Schieffelin, K. Woolard, P. Kroskrity*. Oxford, 1998. P. 3—47.

Woolard 2004 — *Woolard K*. Is the past a foreign country? Time, language origins, and the nation in early modern Spain // Journal of Linguistic Anthropology. 2004, 14 (1). P. 57—80.